

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Банальное
убийство

« И Н О С Т Р А Н К А »

Рекс Тодхантер Стаут
Банальное убийство
Серия «Иностранная
литература. Классика детектива»
Серия «Ниро Вульф», книга 39

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122807
Банальное убийство: Издательская фирма «КУБК а»;
ISBN 978-5-389-21989-2*

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

В книгу вошли три повести, в которых Вулф принимается за расследование, чтобы доказать невиновность чистильщика обуви, снять обвинения с Арчи, которого подставила его знакомая, а заодно в очередной раз сказать полиции, что она идет по неверному следу.

Содержание

Убей сейчас – заплатишь потом	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	61
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Рекс Стаут

Банальное убийство, или трио для тупых инструментов

Убей сейчас – заплатишь потом

Глава 1

Когда я увидел Пита утром в тот понедельник, он не улыбнулся мне своей вежливой, сверкающей белизной улыбкой, казавшейся особенно яркой на его темном, будто кленовый сироп, широком лице. Поздоровался он, как всегда:

– Привет, мистер Гудвин!

Улыбки я не услышал и в голосе, а в прихожей Пит нарушил наше давнее правило, в соответствии с которым кепку и куртку у него должен взять я. Когда я запер дверь и повернулся, оказалось, он уже бросил на скамейку куртку и поднимал с пола ящик, который поставил, пока раздевался.

– Вы пришли на час раньше, – сказал я. – Что там сегодня у вас? Все явились босиком?

– Все заняты, – сказал он и направился по коридору в кабинет.

Я пошел за ним следом, только фыркнув; в конце концов, мы дружили четвертый год.

Пит приходил к нам три раза в неделю – в понедельник, среду и пятницу – всегда в одно и то же время: примерно около двенадцати, закончив обслуживать своих клиентов в бизнес-центре на Восьмой авеню. Вулф платил ему доллар, поскольку оттуда до Западной Тридцать пятой и нашего старого особняка идти целых пять минут, а я только четверть доллара, но мне он чистил башмаки ничуть не хуже, чем Вулфу. А пока он надраивал туфли Вулфу, я даже не делал вида, будто занят, потому что всегда слушал их разговоры. Это было поучительно. Вулф считал, что раз человек родом из Греции, то, пусть его и увезли оттуда в шесть лет, он обязан знать историю своих прославленных предков, и сорок месяцев подряд упорно просвещал Пита. В то утро, когда Вулф уже развернул ся к нему в своем сделанном на заказ большом кресле, Пит опустился на колени и открыл свой ящик, а я пошел в угол к своему столу, Вулф начал с того, что спросил:

– Кто такой Эратосфен и кто в четыреста третьем году до нашей эры в своей знаменитой речи обвинил его в убийстве?

Пит, со щеткой в руке, замер и покачал головой.

– Кто? – спросил Вулф.

– Может быть, Перикл?

– Глупости! Перикл тогда уже двадцать шесть лет как

умер. Черт возьми, я ведь год назад читал вам отрывки из этой речи! Его имя начинается на Л.

– Ликург.

– Нет! Ликург Афинский еще не родился!

Пит поднял глаза:

– Сегодня вы должны меня извинить. – Он постучал себя по голове концом щетки. – Пусто. Почему я пришел раньше времени, потому что кое-что произошло. Захожу я в кабинет к мистеру Эшби... Хороший клиент, каждый раз по две пары обуви. В кабинете никого нет. Окно настежь, холодно. Десятый этаж. Подхожу к окну, смотрю вниз – внизу большая толпа и полиция. Вышел, подхожу к лифту, спускаюсь, проталкиваюсь сквозь толпу, а там... лежит мой хороший клиент мистер Эшби, лежит на тротуаре, разбился насмерть, вид жуткий. Проталкиваюсь обратно, смотрю: головы торчат из всех окон, понимаю, что не время обходить клиентов, они все равно будут глазеть из окон, потому пошел к вам, пришел рано, так что уж простите меня сегодня, мистер Вулф. – Он склонился над туфлей и взялся за щетку.

– Советую вам немедленно вернуться назад, – проворчал Вулф. – Кто-нибудь знает, что вы входили в его кабинет?

– Конечно. Мисс Кокс.

– Она видела, как вы вошли?

– Конечно.

– Сколько времени вы пробыли в его кабинете?

– Наверное, минуту.

– Мисс Кокс видела, как вы уходили?

– Нет, я всегда выхожу через другую дверь к лифту.

– Это вы его вытолкнули?

Пит перестал махать щеткой и поднял голову:

– Послушайте, мистер Вулф, ради всего святого!

– Советую вернуться. Если, когда вы выглянули в окно, толпа там уже стояла и если мисс Кокс может точно указать время, когда вы вошли в кабинет, вас, скорее всего, не заподозрят, но могут быть неприятности. Вам не следовало уходить. Теперь полиция начнет вас искать. Идите немедленно. Туфли мистера Гудвина подождут до среды, или придете после ланча.

Пит отложил щетку и достал банку с кремом.

– Копы... Я не боюсь копов, я к ним хорошо отношусь. Но если бы я сказал копу, что кое-кого видел... – Он начал наносить крем. – Нет. Нет, сэр.

– Значит, вы кого-то видели, – буркнул Вулф.

– Я не говорил, что кого-то видел, а только: если бы я сказал копу, что кое-кого видел. Вот в Афинах в четыреста третьем году до нашей эры были ли копы?

Он еще раз мазнул туфлю.

Это вернуло их разговор к славным деяниям древних греков, но я в тот раз их не слушал. Пока Пит полировал туфли Вулфа, а после, проигнорировав совет Вулфа, надраивал до блеска мои, я на нем тренировался. Рассуждения о том, что детектив обязан всегда строго придерживаться фак-

тов, — чушь собачья! Одна хорошая версия иногда может дать больше, чем сто разрозненных фактов. Потому я минут десять тренировался, изучая Пита Вассоса. Мог ли он полчаса назад убить человека? Если бы сейчас полицейские нарыли факты, которые говорили бы, что мог, но при этом вопрос оставался открытым, что бы я выбрал? В конце концов я выбрал, что нет, не мог. Не хватало мотива. Ради денег Пит не стал бы убивать. Ради мести — зависело бы от того, за что мстить. От страха — само собой, если бы его хорошенько припекло. Потому окончательно я так и не выбрал.

Через час, когда Вулф отправил меня в банк, а туда я хожу пешком, на углу Восьмой авеню я остановился. Тело погибшего мистера Эшби уже унесли, но тротуар перед зданием был огорожен, чтобы следы не затоптала толпа добровольных помощников, и там работали два эксперта из отдела убийств, а три копа регулировали дорожное движение. Я задрал голову и увидел несколько голов в окнах, но на десятом этаже, третьем сверху, никого не было.

Дневной выпуск «Газетт» приносят в начале шестого, когда в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, в котором Вулф живет и работает — если работает, — наступает полная тишина. Вулф в это время наверху в оранжерее, где с четырех до шести занимается орхидеями в компании с Теодором, Фриц в кухне колдует перед духовкой или над кастрюлей, а я убиваю время. Потому в тот день, когда пришел дневной выпуск, я обрадовался

и узнал все, что было на тот час известно о смерти мистера Денниса Эшби. Мистер Эшби выпал из окна бизнес-центра утром в 10:35 и умер сразу. Никто не видел самого момента падения, но посчитали, что выпал он из окна своего кабинета на десятом этаже, поскольку в 10:28 секретарша в приемной, мисс Фрэнсис Кокс, разговаривала с ним по его телефону, а остальные окна на этаже поблизости от места падения не открывались.

Если полиция уже и знала, был это несчастный случай, самоубийство или убийство, то об этом в статье ничего сказано не было. Если кто-то и находился в кабинете у Эшби, когда тот выпал из окна, то и об этом молчали. Никто не входил в кабинет начиная с того момента, когда в 10:35 тело Эшби шлепнулось на тротуар, и до тех пор, пока примерно через пятнадцать минут не появился чистильщик обуви по имени Питер Вассос, ежедневно чистивший мистеру Эшби обувь. Полицейский, установивший личность погибшего по документам, обнаруженным у него в кармане, поднялся на десятый этаж через несколько минут после того, как Вассос ушел. Через некоторое время его нашли у него дома на Грэм-стрит в Нижнем Ист-Сайде, в Манхэттене, и доставили в офис окружного прокурора для беседы.

Деннис Эшби – тридцать девять лет, женат, бездетный, вице-президент компании «Шпульки Мерсера, инк.» – отвечал за продажи и продвижение товаров на рынке. Судя по словам вдовы и деловых партнеров, мистер Эшби был здо-

ров, успешен, и у него будто бы не было никаких причин сводить счеты с жизнью. Вдова по имени Джоан от горя была вне себя и отказалась от встреч с репортерами. Ростом Эшби был ниже среднего, 5 футов 7 дюймов, вес 140 фунтов. Последний абзац был вполне в духе «Газетт», этакий намек на то, что человека с таким ростом и весом выбросить в окно легче легкого, а значит, не исключена вероятность убийства, а значит, покупайте завтрашнюю «Газетт», узнаете что и как.

В шесть часов из коридора донеслось дребезжание спускающего с я лифта, а затем в кабинет вошел Вулф. Я подождал, чтобы он пристроил свою седьмую часть тонны в огромном кресле, после чего сказал:

– Пит в офисе окружного прокурора. Наверняка он не вернулся, и они...

Раздался звонок в дверь. Я поднялся, вышел в прихожую, включил свет на крыльце, увидел через одностороннее прозрачное стекло знакомую подтянутую фигуру и вернулся.

– Кремер.

– Что ему нужно? – рявкнул Вулф.

Это означало: впустить. Если Вулф не желает по какой-либо причине или без, чтобы я впустил в дом инспектора Кремера из отдела по расследованию убийств Южного Манхэттена, он просто рявкает: «Нет!» Если впустить можно, но он из-за этого злится – опять же по какой-либо причине или без, – то говорит: «Я занят». И Кремер тоже является к нам в разном настроении. Может, едва я открою дверь, прошагать

в кабинет, даже не сказав «здрасьте», а может поздороваться как положено. Раза два он даже назвал меня Арчи, но это он, конечно, случай но. В тот день, о котором я говорю, он позволил мне взять у него пальто и шляпу, а когда я вошел в кабинет, то уже сидел в красном кожаном кресле напротив Вулфа, хотя сидел прямо, не откинувшись на спинку. Красное кожаное кресло глубокое, а Кремер ставит ноги вместе. Я никогда не видел, чтобы он положил ногу на ногу.

Он сказал Вулфу, что разговор не займет много времени, просто нужно кое-что уточнить, и Вулф хмыкнул.

– Насчет того чистильщика, который приходил к вам сегодня утром, – сказал Кремер. – Питер Вассос. В котором часу он пришел?

– Вам лучше знать, мистер Кремер, – покачал головой Вулф. – Вам виднее. Я же отвечаю только на те вопросы, которые продиктованы вашими обязанностями и имеют отношение к моим обязательствам, и то по своему усмотрению.

– Ну да, конечно. – Кремер сжал зубы и сосчитал до трех. – Ну да. В простоте ничего не сделаете, даже если сложностей-то нет. В этом вы весь. Я веду дело о неестественной смерти, где есть вероятность убийства, а также вероятность, что совершил его Питер Вассос. Если это убийство и убийца он, то он пришел к вам сразу после убийства. Знаю, он ходит к вам три с лишним года три раза в неделю чистить обувь и сегодня пришел раньше обычного. Мне нужно знать, что он вам рассказал. Мне нет необходимости напоминать

вам о том, что вы частный детектив, а не адвокат и ваша с ним беседа не является конфиденциальной. Так во сколько он пришел и что сказал?

Брови Вулфа приподнялись.

– Факт убийства не установлен. Ваших «есть вероятность» недостаточно. Человек может выпасть в окно и без посторонней помощи.

– Этот – нет. Почти наверняка. На его столе лежал большой кусок отполированного окаменевшего дерева. Так вот он оказался вытертым. На такой штуке на мужском столе должны быть отпечатки пальцев или, в конце концов, какие-нибудь загрязнения, а там – ничего. А на затылке, у основания черепа, след от некоего гладкого округлого предмета. На тротуаре нет ничего, что могло бы его оставить. В газете об этом пока не писали, но в утреннем выпуске будет.

– Тогда о вашей второй «вероятности». – Вулф скривился. – Допустим, что его в самом деле ударили этой штукой и вытолкнули из окна, но это был не мистер Вассос. Женщина по имени мисс Кокс видела, как он вошел в кабинет мистера Эшби, но там никого не было. Через сколько-то секунд мистер Вассос подошел к открытому окну, выглянул и увидел внизу толпу. Если мисс Кокс может назвать время...

– Может. Уже назвала. Однако Вассос мог прийти дважды. Сначала вошел через внешнюю дверь. Она открывается изнутри, но он постучал, а Эшби его впустил. Он ударил Эшби той штукой – убил или оглушил, – подтащил или от-

нес к окну, вытолкнул, вышел через ту же дверь, прошел по коридору, вошел в приемную, поговорил с мисс Кокс, прошел к Мерсеру, почистил ему обувь, зашел к Бушу и тому тоже почистил, вернулся в приемную, снова поговорил с мисс Кокс, прошел к Эшби, выглянул в окно или не выглянул, снова вышел через вторую дверь, спустился в лифте и вышел из здания, решил, что лучше всего пойти к вам, что и сделал. Что он сказал?

– Ладно, – тяжело вздохнул Вулф. – Не буду делать вид, будто меня это не касается. Помимо того что он приятный собеседник, мистер Вассос прекрасно чистит обувь и никогда не увиливает от визита. Заменить его было бы сложно. Потому пойду вам навстречу. Арчи! Дай мистеру Кремеру полный отчет. Дословно.

Что я и сделал. После многолетней практики у Вулфа, когда не раз приходилось слово в слово передавать длинные и сложные диалоги, задание было плевое. Я взял блокнот и ручку и, пока сам рассказывал, сам и стенографировал, чтобы, если Кремер потребует отчет в печатном виде, не было бы расхождений. Поскольку глаза у меня смотрели в блокнот, выражения лица Кремера я не видел, но знал точно, что он не сводил с меня своих острых серых глазок, пытаюсь поймать оговорку или заминку. Только под конец, когда я закончил и бросил блокнот на стол, он перевел взгляд на Вулфа:

– Вы посоветовали ему немедленно вернуться?

– Именно так. Мистер Гудвин обладает феноменальной

памятью.

– Знаю. Как и то, что он вполне способен о чем-то забыть. Вассос туда не вернулся. Он пошел домой. Там мы его и нашли. Он рассказал о беседе с вами практически то же, что Гудвин, кроме одной детали, которую либо он пропустил, либо Гудвин что-то от себя добавил. Нам Вассос не сказал, что кого-то видел.

– Вы же слышали: *не* видел. Он говорил: «если бы я сказал кому, что кое-кого видел».

– Ага. Например, если бы сказал в полиции, что видел, как кто-то входил в кабинет Эшби с площадки от лифта, была бы это хорошая идея или нет? Так, да?

– Пф! Стройте свои версии сколько угодно, но не ждите, чтобы я хвалил их. Как я уже говорил, в этом деле я заинтересованное лицо: утрата мистера Вассоса доставила бы мне серьезные неудобства. Но если это он убил своего клиента, в суде присяжные непременно спросили бы почему. Вот и я спрашиваю.

– До присяжных еще далеко. – Кремер встал. – Но у нас есть хороший ответ на ваш вопрос. Допустим, Гудвин слово в слово передал все, что сегодня сказал Вассос, хотя я сомневаюсь, а как насчет других дней? Что Вассос раньше говорил об Эшби?

– Ничего.

– Никогда не называл его имени?

– Нет. Арчи?

– Никогда, – ответил я. – До сегодняшнего дня ни разу.

– Что он вам говорил о дочери?

– Ничего, – ответил Вулф.

– Уточнение, – сказал я. – Темы выбирал не Пит. Мистер Вулф постоянно вел с ним беседы о Древней Греции. Но один раз, больше двух лет назад, в июне тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года, когда мистер Вулф лежал в постели с гриппом, Пит чистил мне туфли. Тогда он сказал, что его дочь только что окончила среднюю школу, и показал ее фотографию. Если бы не Древняя Греция, мы знали бы о ней больше.

– С тех пор он ни разу не упоминал о своей дочери?

– Нет, как бы ему удалось?

– Ненормальный. Древняя Греция. – Кремер посмотрел на Вулфа. – Знаете, что я думаю? Я думаю вот что. Если даже вам известно, что это Вассос убил Эшби и почему он его убил, например из-за дочери, и вы могли бы помочь его прижать, вы этого не сделаете. – Он постучал пальцем по столу Вулфа. – Только потому, ей-богу, что вам хочется, чтобы он снова приходил к вам чистить башмаки и вы болтали бы с ним о каких-то греках, про которых никто даже не слышал. В этом вы весь. – Он стрельнул глазами в меня. – И ты тоже. Повернулся и затопал прочь.

Глава 2

Ровно через двадцать восемь часов, во вторник, в половине одиннадцатого вечера, я подошел к входной двери посмотреть, кто к нам пожаловал, и сквозь одностороннее стекло увидел испуганное, но решительное личико. Щеки почти совсем скрывал поднятый воротник шерстяного коричневого пальто, а лоб – коричневый берет, мягкий и пушистый, сдвинутый на правую сторону. Когда я открыл дверь, она скорее выдохнула, чем сказала:

– Вы Арчи Гудвин, я Эльма Вассос.

Заканчивался обычный, ничем не примечательный день: завтрак – ланч – обед, с утренним и дневным визитами Вулфа в оранжерею – с девяти до одиннадцати и с четырех до шести, в остальное время он читал в кабинете, Фриц что-то готовил в кухне, я занимался уборкой. Вопрос о том, искать ли нового чистильщика, по-прежнему оставался открытым. В газетах писали, что полиция признала смерть Эшби убийством, но обвинение никому не предъявлено. Примерно в час дня позвонил сержант Пэрли Стеббинс, спросил, знаем ли мы, где Питер Вассос, а когда я ответил «нет» и сам хотел кое о чем спросить, он повесил трубку. В начале пятого позвонил Лон Коэн из «Газетт» и предложил тысячу баксов, чтобы я написал им статейку в тысячу слов о Питере Вассосе – доллар за слово, – и еще тысячу, если я скажу, где Вассос. Я

поблагодарил, сделал встречное предложение: дать ему свой автограф в альбом, если Лон скажет, кто в отделе убийств или в офисе окружного прокурора слил ему, что мы знакомы с Вассосом. Когда я еще раз сказал, что понятия не имею, где Вассос, он в ответ употребил слово, которое не положено произносить в телефонных разговорах.

Обычно в соответствии с нашими правилами я, если Вулф в кабинете, без его разрешения посетителей туда не приглашаю, хотя время от времени, в нештатных ситуациях, могу правила и нарушить. В тот раз ситуация была явно нештатной. Мы с Фрицем коротали время в кухне за болтовней, Вулф читал, ни работы, ни клиента у нас не было, а женщины в этот дом допускались всегда неохотно. Десять против одного, что он не разрешил бы ее впустить. Но я-то видел ее испуганное личико, а он-то – нет. К тому же он сидел без дела уже больше двух недель, и это мне пришлось бы искать нового чистильщика, а не ему. Так что я пригласил ее войти, помог раздеться, повесил пальто на вешалку, проводил в кабинет и там объявил:

– Мисс Эльма Вассос. Дочь Пита Вассоса.

Вулф закрыл книгу, заложив пальцем страницу, поднял голову и сверкнул на меня глазами. Она стояла, для устойчивости взявшись за спинку красного кожаного кресла. Кажалось, она вот-вот рухнет, и потому я взял ее за руку и усадил в кресло. Вулф перевел взгляд с меня на нее и увидел ее лицо. Лицо было маленькое, но не чересчур, и такое, что

когда на него смотришь, то видишь не детали – глаза, губы, нос, – а лицо. По роду своих занятий я не раз давал описания самых разных лиц, но про ее лицо не знаю, что сказать. Я спросил, не хочет ли она воды или чего покрепче, и она ответила «нет».

Она посмотрела на Вулфа и сказала:

– Вы Ниро Вулф. Знаете ли вы, что мой отец погиб? – и замолчала, потому что ей не хватило дыхания.

Вулф покачал головой. Открыл рот, закрыл. Повернулся ко мне:

– Черт возьми, дай ей что-нибудь! Бренди. Виски.

– Не могу глотать, – объяснила она. – Не знаете?

– Нет, – ответил он севшим голосом. – Когда? Как? Рассказать можете?

– Наверное, да, – не совсем уверенно произнесла она. – Должна. Какие-то мальчишки нашли его под обрывом. Я ездила на опознание... Не туда, в морг. – Она прикусила губу, крепко прикусила, но выражение лица не изменилось. Она взяла себя в руки. – Они думают, что он покончил с собой, что сам прыгнул, но он не делал этого. Я знаю, что нет.

Вулф отодвинулся в кресле:

– Приношу самые глубокие соболезнования, мисс Вассос. – Голос его охрип еще больше. Вулф поднялся. – Оставляю вас с мистером Гудвином. Подробности расскажите ему.

Он двинулся прочь, держа в руке книгу.

В этом он был весь. Он решил, что она вот-вот упадет в

обмо рок, а женщину, которая не может держать себя в руках, нельзя не только приводить в кабинет, ее вообще нельзя пускать на порог. Только не в его дом. Но она схватила его за рукав, и он остановился.

– Послушайте, я должна рассказать это вам. Для моего отца вы были великий человек, самый великий человек на свете. Я должна рассказать все *вам*.

– Она сможет, – заверил я. – Справится.

Немного найдется людей, которые не любят, когда их называют великими, а Вулф уж точно не из их числа. Секунд пять он смотрел на нее сверху вниз, после чего вернулся, сел в свое кресло, вставил в книгу закладку, отложил в сторону, посмотрел хмуро на мисс Вассос и спросил:

– Когда вы ели?

– Я не... не могу глотать.

– Пф! Когда вы ели?

– Утром. Отец домой не вернулся, а я не знала...

Вулф повернулся, нажал на кнопку вызова, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и открыл их, только когда услышал шаги в дверях.

– Чай с медом, Фриц. Тосты, творог и «Бар-ле-Дюк»¹. Для мисс Вассос.

Фриц ушел.

– Я в самом деле не смогу, – сказала она.

¹ «Бар-ле-Дюк» – желе из белой или красной смородины, изобретенное в 1344 г. во французском городе Бар-ле-Дюк.

– Сможете, если хотите, чтобы я вас выслушал. Где этот обрыв?

Ей потребовалась секунда, чтобы понять, о чем он спрашивает.

– Где-то за Гудзоном. Наверное, мне сказали, но я...

– Когда его нашли?

– Во второй половине дня.

– Вы ездили в морг – куда? За Гудзон?

– Нет, его привезли в город, в морг неподалеку отсюда. Когда я... когда я смогла... К вам я оттуда пришла пешком.

– Кто вас сопровождал?

– Два детектива. Они назвались, но я не запомнила.

– Я имею в виду, кто из членов семьи. Брат, сестра, мать?

– Братьев и сестер у меня нет. Мама умерла десять лет назад.

– Когда вы в последний раз виделись с отцом?

– Вчера. Когда я пришла с работы, дома его не было, он появился уже почти в шесть и сказал, что пробыл три часа в офисе окружного прокурора, где спрашивали о мистере Эшби. Вы ведь знаете про мистера Эшби... Он сказал, что утром, когда приходил к вам, говорил о нем. Я, конечно, тоже знала, я там работаю. И была там вчера.

– Где вы работаете?

– В том же здании, в компании «Шпульки Мерсера».

– Надо же. Кем?

– Стенографисткой. Я не секретарша, а просто стеногра-

фистка. Чаще печатаю на машинке, реже стенографирую для мистера Буша. Мистер Мерсер дал мне эту работу по просьбе отца.

– Когда?

– Два года назад. Когда я окончила школу.

– Значит, вы были знакомы с мистером Эшби.

– Да. Немного.

– Теперь о вчерашнем вечере. Ваш отец вернулся домой около шести. Что было дальше?

– Я закончила готовить обед, мы поговорили, поели, потом еще немного поговорили. Отец сказал, что кое о чем не рассказал ни в полиции, ни вам и что хочет пойти к вам утром, посоветоваться, как быть. Он сказал, что вы великий человек, вам платят пятьдесят тысяч долларов только за один совет, но ему, наверное, дадите совет бесплатно, а раз так, нужно быть дураком, чтобы не пойти и не спросить. Он не сказал, о чем речь. Потом пришла моя подруга... Мы собирались в кино. Когда я пришла из кино, отца не было, а на столе лежала записка. Он написал, что уходит и, наверное, вернется поздно. Один из тех детективов хотел забрать записку, но я не дала. Я взяла ее с собой на случай, если вы захотите прочесть.

– Нет необходимости, – покачал головой Вулф. – Отец предупредил вас, что куда-то собирается?

– Нет. А всегда предупреждал. Мы всегда говорили друг другу, когда и куда уходим.

– Он даже не намекнул... Спасибо, Фриц.

Фриц подошел к красному кожаному креслу, поставил поднос на маленький приставной столик, который мы держим в кабинете, чтобы клиентам удобно было выписать чек, и подал ей салфетку. Она не шелохнулась.

– Дальше, мисс Вассос, – заявил Вулф, – я стану слушать после того, как вы поедите.

Он открыл книгу на заложенной странице и развернулся вместе с креслом к ней спиной. Эльма Вассос взяла салфетку. Фриц вышел. Я мог бы отвернуться к своему столу и сделать вид, будто чем-то занят, но у меня за спиной на стене висит большое зеркало, чтобы наблюдать за дверью. Если бы я отвернулся, то видел бы в нем ее, а она меня, а потому я встал и ушел в кухню. Фриц стоял возле бокового стола, где закрывал крышку тостера. Я достал из холодильника молоко и сказал ему:

– Она дочь Пита Вассоса. Придется искать чистильщика. Пит погиб.

– Пит? – Фриц оглянулся на меня. – *Dieu m'en garde!*² – Он покачал головой. – Совсем молодой. Значит, она не клиентка?

– Не такая, кто может выписать чек. – Я налил молока. – В любом случае, как тебе известно, ради гонорара он не взялся бы сейчас за работу, даже если бы клиент умолял на коленях. Сейчас декабрь, а у Вулфа налоговая категория чуть ли

² Господи спаси! (фр.)

не высшая. Если ей нужна помощь, а он откажется, возьму отпуск и сам все сделаю. Ты же видел ее лицо.

– Ее нужно предупредить, – фыркнул Фриц. – Насчет тебя.

– Само собой. С этого и начну.

Молоко я залпом не пью. Когда его осталось полстакана, я подошел на цыпочках к двери кабинета. Вулф по-прежнему сидел спиной к Эльме, а она намазывала тост джемом. Я не спеша допил молоко, отнес стакан в кухню, а когда вернулся, Вулф сидел уже лицом к столу, отложив книгу, и Эльма что-то говорила. Я вошел и направился на свое место.

– ...Раньше он так никогда не делал. Я подумала, что, наверное, отца снова вызвали в офис окружного прокурора, позвонила туда, но его там не было. Я позвонила его друзьям – у него есть два друга, – но они его не видели. Я пошла, как обычно, на работу, а поскольку он каждое утро приходит в это же здание, то попросила мистера Буша выяснить, приходил ли отец, но его никто не видел. Потом пришел детектив и задавал разные вопросы, а позже, после ланча, пришел еще один, и он отвез меня в офис окружного прокурора, и я...

– Мисс Вассос, прошу вас! – Голос Вулфа прозвучал резко. – Вы хоть и немного, но поели, а значит, более или менее в порядке. Вы говорили, что должны что-то мне рассказать. Я не хотел бы невежливо обойтись с дочерью мистера Вассоса, но все эти детали не являются существенными. Пожалуйста, ответьте кратко на несколько вопросов. Вы сказали,

что они думают, будто ваш отец покончил с собой, что он прыгнул с обрыва. Кто «они»?

– Полиция. Детективы.

– Почему вы так решили?

– По тому, как они разговаривали со мной. По тому, что сказали. О чем спрашивали. Они считают, что это он убил мистера Эшби, а так как понял, что ему не избежать наказания, то покончил с собой.

– И они думают, что знают причину, почему он убил мистера Эшби?

– Да. Он узнал, что мистер Эшби меня соблазнил.

Я приподнял бровь. Коротко и ясно. В ее лице не дрогнул ни один мускул, будто она говорила о ерунде. Лицо Вулфа тоже осталось спокойным.

– Почему вы так решили? – спросил он.

– Так мне сегодня сказали в офисе окружного прокурора. Там произнесли именно это слово: «соблазнил».

– Было ли известно вам, что ваш отец узнал о том, что мистер Эшби вас соблазнил?

– Конечно нет. Потому что это вранье. Отец не поверил бы, даже если бы это ему сказал сам мистер Эшби или даже если бы по какой-нибудь безумной причине сказала я. Он точно посчитал бы это враньем. Отец меня знал.

Вулф наморщил лоб:

– Вы хотите сказать: ваш отец думал, что вас знает?

– Он и в самом деле меня знал. Не то что меня нельзя со-

блaзнить... Наверное, любую девушку можно соблазнить, если хорошо заморочить ей голову. Но он знал, что, если бы это случилось, я бы рассказала ему. И знал, что если когда-нибудь кто-нибудь меня и соблазнит, то не мистер Эшби или кто-нибудь, на него похожий. Отец меня знал.

– Давайте внесем ясность. Вы говорите, что мистер Эшби не соблазнил вас?

– Да. Именно.

– Пытался ли он вас соблазнить?

Она заколебалась.

– Нет. – Подумала. – Три раза он приглашал меня на обед и на концерт. Последний раз это было почти год назад. С тех пор он еще пару раз меня приглашал, но я отказывалась, так как уже знала, что он собой представляет, и мне он не нравился.

Вулф перестал морщить лоб.

– В таком случае почему полиция считает, будто он вас соблазнил?

– Не знаю. Кто-то, значит, сказал. Судя по их вопросам, кто-то наверняка им про нас наврал.

– Кто? Кого-нибудь называли?

– Нет.

– А сами знаете? Можете предположить?

– Нет.

Вулф перевел взгляд на меня:

– Арчи?

Этого следовало ожидать. Это было в порядке вещей. Вулф делает вид, будто не знает о женщинах ничего, а я знаю все, вот и спрашивает у меня, соблазнил Деннис Эшби Эльму Вассос, да или нет. Черт возьми, я не стоял под присягой и у меня было свое мнение!

– Не приснилось же это им, – сказал я. – Она, вероятно, права, кто-то шепнул пару слов. Ставлю тридцать к одному.

– Ты ей веришь?

– Верю? Ладно, двадцать к одному.

Она медленно повернулась и посмотрела мне в глаза:

– Спасибо, мистер Гудвин, – а затем снова повернулась к Вулфу.

Он прищурился, глядя на нее:

– Хорошо. Допустим, вы говорили искренне, и что дальше? Вы рассказали то, что были должны, и я вас выслушал. Ваш отец погиб. Я уважал его и сделал бы все от меня зависящее, чтобы его воскресить, если бы это было возможно. Но ведь вы от меня ждете не только сочувственных слов, да?

– Но... – Она удивилась. – Я подумала... Разве не ясно, что они хотят сделать? Вернее, я хочу сказать: не ясно, что они не хотят ничего делать? Раз мой отец убил мистера Эшби из-за меня и покончил с собой, то что же тут сделаешь? На том и поставят точку или уже поставили. Так что мне нужно сделать что-то самой, а я не знаю что, вот и решила прийти к вам, потому что отец сказал... – Она замолчала, прикрыла рот растопыренными пальцами. Это было ее первое быстрое,

сильное движение. — О! — произнесла она сквозь пальцы и опустила руку. — Конечно. Прошу прощения. — Она открыла сумку, большую коричневую кожаную сумку, и что-то достала. — Я должна была это сделать раньше. Отец не тратил тех денег, которые получал от вас. Они все здесь, все ваши долларовые купюры. Он говорил, что когда-нибудь потратит их на что-то особенное, но не говорил на что. Но он сказал... — Она замолчала и прикусила губу.

— Не надо! — приказал Вулф.

— Знаю, — кивнула она. — Не буду. Я их не считала, но тут, наверное, почти пятьсот долларов. Вы ведь платили ему три раза в неделю три года подряд. — Она встала с места, положила деньги Вулфу на стол и снова села. — Для вас это, конечно, мелочь, это не пятьдесят тысяч, так что все равно я прошу вас работать бесплатно, но ради отца, а не ради меня. В конце концов, это будет означать, что три года вы бесплатно чистили туфли.

Вулф перевел глаза на меня. Согласен, это я впустил ее, но он глядел так, будто я убил и Эшби, и Пита, а в придачу еще и ее соблазнил. Я посмотрел на него в ответ, склонив набок голову, и он отвернулся.

— Мисс Вассос, вы просите меня доказать невиновность вашего отца и вашу невинность. Я правильно понял?

— Моя невинность не имеет значения. Я хочу сказать, речь не о том.

— Речь о невиновности вашего отца, так?

– Да. Так!

Вулф ткнул пальцем в пачку долларовых купюр, перевязанных резинками:

– Ваши деньги... Заберите. Это, как вы и сказали, все равно что бесплатно за такую работу. Если уж я решу донкихотствовать, чаевые мне не нужны. Я ничего не обещаю. Если бы нужно было дать ответ сейчас, я сказал бы «нет». Уже полночь, пора спать, и я устал. Скажу о своем решении утром. Ночевать вы будете здесь. У нас есть свободная комната, удобная и для вас вполне подходящая. – Он отодвинул кресло и встал.

– Но я не... У меня с собой нет вещей...

– Зато есть вы. – Он хмуро смотрел на нее сверху вниз. – Допустим вот что. Допустим, догадки полиции верны, мистер Эшби вас соблазнил, ваш отец об этом узнал, по этой причине убил его, после чего, опасаясь разоблачения, покончил с собой. Предположим также, что вы, все это зная, со всеми этими мыслями возвращаетесь домой, где вас теперь никто не ждет. Что бы вы в такой ситуации сделали?

– Но ведь это неправда! Он никого не убивал!

– Я же сказал: допустим. Допустим, что все так и есть. Что бы вы в такой ситуации сделали?

– Я... покончила бы с собой. Наверное.

– Думаю, вполне вероятно, – кивнул Вулф. – И если сегодня или завтра вы умрете при обстоятельствах, допускающих вероятность самоубийства, то люди, включая полицей-

ских, именно так и подумают. Убийце это известно, и, поскольку его попытка выдать гибель Эшби за самоубийство чуть не увенчалась успехом, а попытка выдать за самоубийство гибель вашего отца почти увенчалась успехом, он наверняка захочет сделать это еще раз. Если вы с ним знакомы, то он знает, что характер у вас есть – вы показали это, придя ко мне, – значит само ваше существование станет для него смертельной угрозой. Ночевать будете здесь. Утром я занят до одиннадцати, но мистер Гудвин просыпается рано, и вы ему расскажете все, что знаете и что может оказаться полезным. Если я решу вам помочь ради вашего отца, мне понадобится вся информация, какая есть. Не пытайтесь что-либо утаить от мистера Гудвина. Он прекрасно знает привычки привлекательных молодых женщин. Спокойной ночи. – Он повернулся ко мне. – Проверь, все ли в порядке в Южной комнате. Спокойной ночи. – И вышел.

Когда стукнула дверь лифта, наша клиентка сказала:

– Мистер Гудвин, возьмите деньги вы. Я не хочу...

Ее затрясло, она опустила голову и закрыла руками лицо. Хорошо, что она сумела сдержаться, пока великий человек не ушел.

Глава 3

В среду утром, без пятнадцати одиннадцать, я сидел за машинкой. А тремя часами раньше, в семь сорок пять, постукавшись в дверь Южной комнаты, которая находится у нас на третьем этаже над комнатой Вулфа, я увидел, что Эльма уже проснулась и оделась. Она сказала, что выпалась, хотя ее вид говорил об обратном. Сам я завтракаю обычно в кухне, но Фриц не захотел, чтобы и она завтракала там, потому накрыл стол в столовой, и Эльма съела все, что стояло перед ней:

апельсиновый сок, два блинчика, два ломтика бекона, яичницу из двух яиц с луком-шалот, – и выпила две чашки кофе. После чего мы перешли в кабинет, где почти целый час, с восемью сорока до девяти тридцати, я задавал ей вопросы, а она отвечала.

Она начала работать в «Шпультках Мерсера» два года назад, и с тех пор площадь их помещений увеличилась вдвое, а штат сотрудников – втрое. То есть их офис продаж и исполнительный офис в здании на Восьмой авеню. Она не могла сказать, насколько увеличился рост производства на их фабрике в Нью-Джерси, но знала, что вырос намного. Все в компании понимали, что это случилось благодаря способностям и усилиям одного человека – Денниса Эшби, который три года назад был назначен ответственным за продажи и продви-

жение их товаров на рынке. Он добился того, что они стали делать не только шпульки; теперь они производили двадцать с лишним позиций из списка швейной промышленности.

Она дала характеристики доброй дюжине сотрудников компании, и вот некоторые из них.

ДЖОН МЕРСЕР, президент. В сентябре ему исполнился шестьдесят один год, и в компании отметили это событие тортом и пуншем. Мистер Мерсер унаследовал свое дело от отца. Все понимают, что ему принадлежит большая часть акций. Почти все свое время он проводит на фабрике, в нью-йоркский офис приезжает лишь два раза в неделю. Он предложил Эшби должность главы отдела продаж и пост вице-президента, когда компания была на грани банкротства. Мистер Мерсер знает всех сотрудников по именам, все его любят. За глаза, не в лицо, его называют Большой М. У него есть дети и внуки, хотя, сколько их, Эльма не знала. Никто из семьи не принимает активного участия в делах компании.

ЭНДРЮ БУШ, секретарь компании и управляющий делами, ему слегка за тридцать, не женат. Был всего лишь главным бухгалтером, но примерно год назад у них умер старый управляющий, и Мерсер на его место назначил мистера Буша. У него есть свой кабинет, но он по три-четыре раза в день появляется в «шумной комнате» и обходит всех. (У них есть большая комната, в которой печатают на машинках двадцать восемь девушек. Одна из них однажды прозвала ее «шумной комнатой», и с тех пор так и повелось.) Мистер Буш велит,

чтобы стенографистки, когда Эшби их вызывает, сначала заходили к нему и докладывали, к кому идут, за что они прозвали его Паладином, хотя, конечно, не в глаза.

ФИЛИП ХОРАН, отдел продаж, около тридцати пяти лет, женат, двое или трое детей. Включен в список, потому что: а) обычно появляется на работе около четырех часов дня, но в то утро в понедельник его там видела одна из девушек; б) очень хотел получить место, на которое Мерсер назначил Эшби, и все знали, что он недоволен; в) велел одной стенографистке, которая работала в компании дольше других и появилась там одновременно с ним, выяснить, что происходит между Эшби и Эльмой Вассос, и то и дело ее об этом спрашивал.

ФРЭНСИС КОКС, секретарь в приемной. Эльма сказала, что лет той примерно тридцать, а значит, скорее всего, двадцать семь или двадцать восемь. Я и правда кое-что знаю о женщинах. Мисс Кокс я включаю в список, поскольку если она видела Пита, когда он входил в кабинет к Эшби, то могла видеть и кого-то еще, а это могло бы быть полезно.

ДЕННИС ЭШБИ, жертва. Год назад сказал Эльме, что ему тридцать восемь лет. Пришел в компанию давно – Эльма не знала, когда именно, – начинал складским делопроизводителем. Маленький, некрасивый. Когда я спросил Эльму, какое животное он ей напоминал, она ответила: обезьяну. Почти половину времени проводил на выездах, занимаясь продвижением товаров. Секретарши у него не было. Когда ему

требовалась стенографистка, он вызывал ее через мисс Кокс, секретаршу в приемной. В кабинете у него стоит целая батарея папок. Девушки прозвали его Опасный Деннис, но от него и в самом деле исходила опасность. Эльма не знала ни одной девушки, кого бы он соблазнил, но слухов о его похождениях ходило множество.

ДЖОАН ЭШБИ, вдова. Ее я включил, потому что всегда имеет смысл проверить вдов. Когда-то она тоже работала в «Шпульках Мерсера», но, выйдя замуж за Эшби, уволилась еще до того, как туда устроилась Эльма. Эльма ее никогда не видела и почти ничего о ней не знала. Сам Эшби, пригласив Эльму пообедать, рассказывал, что их брак ошибка и он пытается уговорить жену дать ему развод.

ЭЛЬМА ВАССОС. К ней у меня был всего один вопрос: почему она принимала приглашения от женатого человека? Она ответила: «Я сказала о его приглашении отцу, и отец посоветовал мне пойти. Он сказал, что любой девушке интересно общество взрослых, женатых мужчин и хотелось бы показаться где-нибудь со взрослым мужчиной, потому что они и принимают приглашения, так что и я тоже могу. Разумеется, мой отец меня знал».

Что касается понедельника, то утром начиная с девяти сорока и до десяти пятнадцати Эльма находилась в кабинете мистера Буша, где писала письмо под его диктовку, после чего вернулась в «шумную комнату». Примерно в половине двенадцатого Джон Мерсер привел туда незнакомого типа,

потребовал общего внимания, и тот тип спросил у девушек, не входил ли кто-нибудь из них утром в кабинет Эшби или не видел, как кто-то входил или выходил, и в ответ услышал единогласное «нет», а после Мерсер рассказал им, что произошло.

Даже я, человек, который прекрасно разбирается в симпатичных молодых женщинах, не заподозрил, что она что-то скрывает, кроме разве что одного момента, когда я под конец спросил, кто, по ее мнению, оговорил в полиции их с Эшби. Она ответила, что не может никого назвать, даже и пытаться не хочет. Я сказал, что это странно, что любой человек, мужчина или женщина, зная, что кто-то его оклеветал, очень даже может предположить, кто именно это сделал. Но если кто-то и имел на нее зуб, она об этом не знала. Возможно, знал Эшби, но он умер.

Без пятнадцати одиннадцать я как раз заканчивал печатать эту часть, когда зазвонил внутренний телефон. Я повернулся и снял трубку. Вулф редко прерывает свои встречи с орхидеями ради того, чтобы мне позвонить. После завтрака у себя в комнате он сразу поднялся в оранжерею, а потому мы с ним в тот день еще не виделись, и я пожелал ему доброго утра.

– Доброе утро, – ответил он. – Чем занимаешься?

– Заканчиваю печатать доклад о пресс-конференции с мисс Вассос. Только суть. Не дословно. Почти закончил.

– Ну и как?

– Ничего особенного. Кое-что может оказаться полезным. Что касается веры ее словам, теперь я поставил бы пятьдесят к одному.

– Или больше, – хмыкнул он. – Что, предположительно, могло бы заставить ее прийти ко мне, если это неправда? Черт возьми! Где она сейчас?

– Наверху. Разумеется, на работу сегодня она не пойдет.

– Поела? Гостья, званая или нет, не должна сидеть голодной.

– Она не голодная. Поела. Звонила в офис окружного прокурора узнать, когда можно забрать тело. Вот туда она пойдет.

– «Таймс» подтвердила ее предположение. Они пишут – разумеется, не прямо, – что полиция считает, будто Эшби убил ее отец, после чего покончил с собой. Прочел?

– Ага. Она тоже.

– Но и «Таймс» может ошибаться, и она тоже, конечно. Может быть, мистер Кремер хитрит, и если да, то оставим это на его совести. А тебе придется это выяснить. Так чтобы наверняка.

– Лон Коэн может знать.

– Нет. Придется встретиться с мистером Кремером. Безотлагательно.

– Если он жульничает, я и носа его не увижу.

– Разумеется. Придется проявить смекалку. Полагаюсь на твой ум и опыт.

– Ага. Я такой. Через пять минут допечатаю и пойду. Положу в ящик вашего стола.

Я повесил трубку быстрее Вулфа.

Допечатал я за три минуты. Первый экземпляр положил в ящик его стола, копию, сделанную под копирку, – в свой, зашел в кухню сказать Фрицу, что ухожу, в прихожей снял с вешалки пальто и ушел. Расстояние от старого особняка из бурого песчаника до отдела по расследованию убийств Южного Манхэттена мне как раз, чтобы размяться, но ум у меня любит по пути отвлекаться, а было нужно придумать, с чего начать разговор, потому я вышел на Девятую авеню и поймал такси.

Детектив у входа, не из числа моих любимцев в этом отделе, сказал, что Кремер сейчас занят, но лейтенант Роуклифф может уделить мне минуту, а я сказал «нет, спасибо» и сел ждать. Время близилось к полудню, когда меня сопроводили по коридору в кабинет Кремера, который, когда я вошел, стоял у своего стола и при виде меня сказал своим скрипучим голосом:

– Стало быть, ваш клиент купил билет в один конец. Хотите посмотреть?

Мои заготовки для разговора иногда пригождаются. Хотя зависит от того, с кем разговор. Кремер явно был в таком настроении, что парой шуточек его было не зацепить, потому я с ходу переключился.

– Чушь! – произнес я обиженно. – Если вы имеете в ви-

ду Вассоса, то он не был клиентом, приходил просто чистить обувь. Но вы остались кое-что должны мистеру Вулфу, и он хочет вернуть свое. У нас вчера ночевала дочь Вассоса Эльма.

– Черт возьми! В твоей комнате?

– Нет. Я же храплю. Пришла вчера и впарила ему идею, будто ее жизнь в опасности. Будто тот, кто убил сначала Эшби, потом ее отца – она не знает кто, – теперь убьет и ее. А утром мы прочли «Таймс», и все, оказывается, по-другому. Прямо не говорится, но в общем ясно дают понять, что это Вассос убил Эшби, а когда вы начали дышать ему в затылок, нашел подходящий обрыв и прыгнул. Значит, вы знали об этом в понедельник, когда пришли к мистеру Вулфу: знали про Эшби и Эльму Вассос. Почему не сказали? Если бы сказали, мы вчера дали бы ей от ворот поворот. Так что за вами должок. Вулф хочет произнести перед ней небольшую речь, и ему надо знать, кто заложил их с Эшби. Это не для протокола, ссылаться на вас никто не будет.

Кремер откинул голову и засмеялся. Не так чтобы по-настоящему, а пару раз хохотнул. Протянул руку и тыкнул меня в грудь указательным пальцем:

– Ночевала в его доме, а? Прекрасно! Хотел бы я послушать эту речь. Интересно, как он будет к ней обращаться? Не назовет ведь шлюхой или потаскушкой, найдет что-нибудь позаковыристее. Да, Гудвин, нахальства ему не занимать.

– Он хочет это знать.

– Чушь! Проваливай.

– Но ведь черт возьми...

– Вон!

Я вышел, а так как других заданий у меня не было, я вернулся на Тридцать пятую улицу. Вулф читал «Взлет и падение Третьего рейха» Ширера. На столе перед ним стоял поднос с пивными бутылками и стаканом, а рядом лежал мой отчет о беседе с Эльмой. Я подошел к своему креслу, сел и подождал, пока он дочитает абзац и поднимет на меня глаза.

– Придется нам ее спровадить, – сказал я. – То есть вам. Я предпочел бы жениться и перевоспитать, но Кремер ведь отберет лицензию. Доложить дословно?

Он сказал «да», и я передал наш разговор дословно.

– Как видите, до смекалки дело не дошло. Сразу так и сказал: «Клиент ваш купил билет в один конец». Он не жульничает. И я не могу его винить за то, что он над нами посмеялся, потому что он явно честно считает, будто вы пригрили потаскушку. А то, что он отказался назвать...

– Помолчи!

Я откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу. Секунд пять он сердито смотрел на меня, потом закрыл глаза. Через секунду открыл.

– Безнадежно, – проговорил он сквозь зубы.

– Да, сэр, – согласился я. – Наверное, я мог бы переодеться в чистильщика, взять ящик Пита и попытаться...

– Помолчи! Я хочу сказать, это невыносимо. Мистер Кре-

мер не должен насмеяться над... — Он отложил книгу в сторону, не сделав закладки, чего никогда не бывало. — Выхода нет. Туфли себе я и сам могу чистить. Когда я прочел твой отчет, то подумал кое о какой возможности. Вот она и пригодится. Позвони мистеру Паркеру.

Номер телефона адвоката Натаниэля Паркера искать в справочнике мне не нужно. Я повернулся и набрал его, подождал, пока Паркер подойдет, и Вулф снял свою трубку.

— Доброе утро, сэр. Добрый день. Вы очень нужны. Я намерен посоветовать одной молодой особе, которую консультирую по кое-какому поводу, подать иск против компании, а также пяти или шести человек, с требованием о возмещении ущерба... скажем, по миллиону долларов с каждого... за порочащие ее заявления. Устные, не в печати. Насколько мне известно, нигде не публиковались. Она здесь, у меня. Не могли бы вы зайти?.. Да, после ланча удобно. В три часа?.. Прекрасно, буду вас ждать. — Он повесил трубку и повернулся ко мне. — Придется ее оставить у нас. Вместе съездите к ней домой, чтобы она взяла необходимые вещи, но не сейчас, попозже. Мистер Кремер считает, что я тут же выставлю ее за дверь, не так ли? Пф! В таком случае жить ей не больше двадцати четырех часов, и все, дело закрыто. Скажи Фрицу, пусть возьмет поднос и отнесет ей в комнату. Не хочу быть с ней резким, а сдерживаться — значит испортить ланч.

Глава 4

Однажды я спросил у Паркера, сколько у него в кабинете книг по юриспруденции, и он ответил, что около семисот. Тогда я спросил, сколько же их всего опубликовано на английском, и он сказал, что, наверное, тысяч десять. С тех пор я считаю, что нельзя поручить стряпчему вести для вас дело в суде с тем же расчетом, что повару состряпать обед. Но, конечно, и то и другое работа. Паркер появился ровно в три, и разговаривали они долго, едва успев закончить до четырех, когда Вулф поднимается к орхидеям. Без трех минут четыре он встал:

– Значит, завтра, как можно раньше. Как только Арчи вам позвонит и скажет, что мисс Вассос предупреждена, приступайте.

– Ну у вас и методы, – покачал головой Паркер. – Вы и в самом деле еще ничего ей не говорили?

– Нет. Какой смысл говорить, если я сам не знаю, можно ли это сделать.

Вулф направился в коридор, Паркер – за ним, и я тоже. В прихожей я снял с вешалки его пальто, помог одеться и выпустил. После чего поднялся на два этажа, постучал в Южную комнату, услышал тихое «Войдите» и открыл дверь. Эльма сидела на краю кровати, поправляя волосы.

– Наверное, я задремала, – сказала она. – Сколько време-

ни?

Я охотно помог бы ей подправить прическу, как и любой мужчина, ведь у нее были красивые волосы.

– Четыре часа. Фриц говорит, вы съели только два из его знаменитых креольских фриттеров. Вам что, не нравятся креветки?

– Прошу прощения. Это я не нравлюсь ему, и я его не виню, я вам здесь обуза. – Она тяжело вздохнула.

– Не принимайте на свой счет. Ему не нравится ни одна женщина, которая входит в этот дом, так как он боится, что она возьмет все в свои руки. – Я придвинул стул поближе к кровати и сел. – Произошли некоторые изменения в планах. Я сходил в полицию, к инспектору по фамилии Кремер. Вы оказались правы. Они действительно считают, что ваш отец убил Эшби, а потом покончил с собой. Теперь вы клиент мистера Вулфа. Пачка денег в сейфе по-прежнему ваша, но в качестве аванса я взял из нее доллар. Не возражаете?

– Конечно нет... Но возьмите все. Я знаю, что этого мало...

– Проехали. Для него это не деньги. И не нужно благодарить. Он скорее пропустит обед, чем позволит кому-нибудь думать, будто он мягкосердечный слабак и решил шевельнуть пальцем, чтобы помочь человеку. Благодарить даже не пытайтесь. Дело в том, что Кремер позволил себе над ним насмеяться – это его слово, – и потому теперь Вулф не успокоится, пока не сделает клоуна из Кремера, и я допускаю, что

это и есть главный мотив его решения. Теперь он просто вынужден доказать, что ваш отец не убивал Эшби, а единственный способ это доказать состоит в том, чтобы найти убийцу. Вопрос в том – как найти? Он мог бы отправить меня к вам в компанию, чтобы я увидел все своими глазами, встретился с сотрудниками, попросил кого-нибудь из них прийти к нему, так как он никогда не выходит из дому по делам, но нельзя даже от меня ждать невозможного. Мне укажут на дверь, и никто не придет. Так что приходится ему...

– Кто-нибудь из девушек пришел бы. И мистер Буш.

– Этого недостаточно. Нам нужны те, кто не придет, и потому надо устроить хороший взрыв. Вы подадите в суд на шестерых человек за моральный ущерб, каждый иск – на миллион долларов. Иск о защите чести и достоинства. Он хотел бы еще один иск на компанию, но адвокат не разрешил. Адвокат сейчас готовит бумаги и подаст дело в суд сразу после нашего звонка. Его зовут Натаниэль Паркер, дело свое он знает. Вряд ли эти иски дойдут до суда, так что вы ничего не получите, идея не в этом. Идея в том, чтобы полетели пух и перья. Не хотите ли с кем-нибудь посоветоваться, прежде чем мы позвоним Паркеру? У вас есть свой адвокат?

– Нет. – Она стиснула пальцы в кулак. – Я, конечно, сделаю все, что скажет мистер Вулф... Кто эти шестеро?

– Джон Мерсер – раз. Эндрю Буш – два. Филип Хоран – три. Фрэнсис Кокс – четыре. Миссис Эшби – пять. Инспектор Кремер – шесть. Кремер, в силу своего положения, имеет

право говорить то, что считает нужным, однако есть и ограничения. Он, похоже, сболтнул кое-что репортеру, а тот, с его слов, либо назвал вас потаскушкой, либо намекнул на это. Так или иначе, ваш иск станет поводом вызвать Кремера в суд как свидетеля, где он должен будет под присягой сказать, откуда у него такая информация о вас с Эшби, да и сам факт вызова будет для мистера Вулфа приятен, так что вы доставите ему большое удовольствие. Вы меня не слушаете...

– Нет, я слушаю. По-моему... Вы не могли бы не трогать мистера Буша?

– С какой стати? Почему?

– Потому что, по-моему, он не мог сказать ничего подобного. Уверена, что не говорил.

– Наверное, не только он. Допускаю, никто из пятерых не говорил. Иск нужен нам для того, чтобы до них добраться.

– Знаю, – кивнула она. – Я понимаю, но... Не хочу, чтобы мистер Буш считал, будто я думаю, что он мог меня оклеветать. Если мистеру Вулфу нужно с ним поговорить, я попрошу его и почти уверена, что он придет.

Я посмотрел на нее изучающе:

– Похоже, утром вы все же кое-что от меня скрыли. Когда вы говорили о Буше, то не сказали, что он явится, если вы ему свистнете.

– Я не это имею в виду! – Она возмутилась. – Я говорю лишь, что он хороший, порядочный человек и не мог так по-

ступить!

– Вы часто виделись с ним вне работы?

– Нет. После мистера Эшби я решила не встречаться ни с одним мужчиной с работы, женат он или нет.

– Ладно, Буша мы исключим, но при условии, что вы обеспечите его явку, если он нам понадобится. – Я встал. – Идемте вниз звонить Паркеру, а после съездим к вам и возьмем ваши вещи, так как вы здесь задержитесь на неопределенный срок. Может быть, на два дня, а может быть, на два месяца. Когда мистер Вулф...

– Жить у вас два месяца? Я не могу!

– Можете и будете, если понадобится. Если вас убьют, отомстить Кремеру мистер Вулф не сможет, настроение у него испортится и он станет просто несносным. Если хотите сделать что-то с лицом или волосами, хотя, по-моему, они и так в порядке, я подожду в кабинете. – Я вышел.

Я ждал ее и не звонил, так как Паркер хотел услышать голос своей клиентки в подтверждение ее существования, и я подумал, не позвонить ли тем временем в оранжерею, вдруг Вулф захочет, чтобы я привез ему к шести Эндрю Буша, а потом подумал, что тогда он захочет видеть и остальных, и от этой мысли отказался. Мягкий я человек. Эльма привела себя в порядок после дневного сна намного быстрее, чем сделали бы это большинство девушек, и я набрал номер Паркера, сказал, что мы готовы, но Буша надо из списка вычеркнуть, и дал трубку Эльме. Он спросил у нее, разрешает

ли она ему действовать от ее имени по инструкции Вулфа, она ответила «да», и разговор был закончен. Я сказал ей, что должен сделать еще один звонок, набрал номер «Газетт», попросил к телефону Лона Коэна и спросил, действует ли еще его предложение насчет тысчонки за статейку. Он ответил, что сначала хочет увидеть эту статейку.

– Нам некогда ее писать. У нас дел невпроворот. Но если хочешь, могу продать кое-что даром. Мисс Эльма Вассос, дочь Питера Вассоса, наняла известного частного детектива Ниро Вулфа. Сейчас она находится в его доме, и связаться с ней невозможно. По рекомендации Ниро Вулфа она наняла известного адвоката Натаниэля Паркера, чтобы тот возбудил дело о диффамации против пяти человек: Джона Мерсера, Филипа Хорана, Фрэнсис Кокс, миссис Деннис Эшби, а также инспектора Кремера из полиции Нью-Йорка. С каждого из них она требует компенсацию в миллион долларов за нанесение ущерба ее репутации. Иски будут поданы завтра, скорее всего, до вашего утреннего выпуска. Делюсь с тобой эксклюзивно – по поручению мистера Вулфа. Паркера мы предупредили, что вы ему наверняка позвоните, чтобы подтвердить информацию, и он даст подтверждение. Искренне ваш! До встречи в суде.

– Подожди минутку, не вешай трубку! Нельзя же так...

– Прости, я занят. Перезванивать не нужно, я уйду. Печатай сразу – заплатишь потом.

Я отключился и пошел в кухню предупредить Фрица, что

мы уходим, а когда появился в прихожей, Эльма уже сама надела пальто и берет. Поскольку она жила в центре города, мы вышли на Восьмую авеню и взяли такси. Идти рядом с ней было приятно. Когда идешь рядом с девушкой, можно сразу понять, хочешь ли ты с ней потанцевать. Нет, если она шагает с тобой в ногу или цепляется за локоть, чтобы не отставать, и да, если она естественной походкой идет рядом.

Еще один штрих к портрету: когда такси свернуло на Грэм-стрит и остановилось возле дома номер 314, она не стала извиняться за свой район. К тому же в декабрьских потемках он выглядел лучше, чем при дневном свете. В потемках все выглядит лучше. И грязь не такая грязная. Хотя должен сказать, что подъезд, куда мы вошли, все же требовал некоторого внимания, а когда она открыла своим ключом дверь и мы вошли внутрь, там оказалось не лучше.

– Третий этаж, – сообщила она и направилась к лестнице, а я за ней.

Скажу честно, тогда я подумал, что это немного слишком. По крайней мере, могла бы сказать как бы между прочим что-нибудь вроде: «Когда я начала работать, то хотела было переехать, но отец отказался». Ничего подобного.

На третьей площадке она свернула в коридор, который вел в боковое крыло, но через пару шагов остановилась:

– Там свет!

– Какая дверь? – шепотом спросил я, когда подошел поближе.

Она показала на дверь справа, из-под которой выбивалась полоска света.

– Звонок есть? – снова шепотом спросил я.

– Не работает, – ответила она так же.

Я подошел к этой двери, постучал, и после короткого ожидания она открылась. Передо мной оказался мужчина примерно моего роста, с широким плоским лицом и густой каштановой шевелюрой.

– Добрый вечер, – произнес я.

– Где мисс Вассос? – спросил он. – Вы из полиции?... А-а! Слава богу! – Он увидел Эльму.

– Но как... Как вы... Это мистер Буш, мистер Гудвин.

– Видимо, я... – Он не договорил в нерешительности; не зная, что сказать, посмотрел на меня, снова на нее.

– Предлагаю сделку. Я скажу, зачем я здесь, если вы скажете, зачем вы здесь. Я пришел, чтобы помочь мисс Вассос нести сумку с одеждой и прочим. Некоторое время она проживет у Ниро Вулфа на Тридцать пятой улице. Меня зовут Арчи Гудвин, и я работаю на него. Ваша очередь.

– Ниро Вулф, который детектив?

– Верно.

Он подошел к Эльме:

– Вы остановились у него?

– Да.

– Вы были там вчера и сегодня?

– Да.

– Жаль, что вы не предупредили меня. Я пришел к вам после работы... Только что пришел. Я и вчера приходил. Попросил консьержа меня впустить, он тоже беспокоится. Я боялся, что вы... Я рад вас видеть... Я подумал...

– Наверное, мне следовало вам позвонить, – сказала она.

– Да, конечно. Тогда я, по крайней мере, знал бы... – Говорил он совсем не как паладин. И даже не как управляющий.

– Если не возражаете, – перебил я, – мисс Вассос хотела бы войти и собрать вещи. Она наняла Ниро Вулфа, чтобы выяснить, кто убил Денниса Эшби, а до тех пор будет жить в его доме. Конечно, поскольку вы думаете, что это ее отец убил Эшби, я...

– Я не думаю, что ее отец убил Эшби.

– Нет? Тогда почему вы сказали полиции, будто Пит Вассос узнал, что Эшби ее соблазнил?

Он шагнул назад и занес руку. Намерение было правильное, но двигался он до того медленно, что я мог бы сбить его с ног, пока он только замахивался. Эльма оказалась проворнее и одним прыжком встала между нами. Но он все равно попытался меня достать через ее плечо и продолжал махать кулаком, так что, наверное, достиг бы цели, если бы я сдвинулся на восемь дюймов влево и подождал бы там, пока он в меня попадет, но я ждать не стал, перехватил его запястье и дернул вниз с поворотом. Прием болезненный, но он даже не пикнул. Эльма, по-прежнему стоявшая между нами, по-

вернулась ко мне:

– Я же говорила вам, это не он!

– Не я, – сказал он.

– Известно ли вам кто?

– Нет.

– Ладно. Можете поехать с нами, побеседовать с Ниро Вулфом. Можете взять ее сумку. Если их будет две, возьмем каждый по сумке. Продолжайте собираться, мисс Вассос, я не дам себя в обиду. Если он на меня нападет, я вас позову.

Она проскользнула в дверь. Буш осмотрел свое запястье, ощупал, и я предупредил его, что запястье может немного распухнуть. Он отвернулся и пошел внутрь, а я следом. Комната была средних размеров, очень опрятная – вполне хорошие стулья, симпатичные простые коврики, телевизор в углу, журналы на столе, шкаф с книгами, на шкафу фотография в рамке. Фотография показалась мне знакомой, я подошел поближе, и будь я проклят, если это был не портрет Ниро Вулфа с обложки журнала «Тик». Его там напечатали больше года назад. Я позволил себе улыбнуться самой широкой улыбкой при мысли о том, что почувствовал сержант Стеббинс или все равно кто из отдела убийств, когда пришел в дом брать убийцу и обнаружил фотографию Ниро Вулфа на почетном месте. С удовольствием взял бы ее с собой, чтобы показать Вулфу. Однажды я слышал, как он, кого-то цитируя, сказал, что никто не бывает героем для своего камердинера, но, значит, бывает для своего чистильщика обуви.

Эльма вышла из комнаты с чемоданом в руках и небольшой сумкой, и Буш, который уже надел пальто, подошел и забрал их. Я посмотрел на часы: пять пятьдесят пять. Когда мы приедем, Вулф уже спустится.

– Я возьму одну, – предложил я. – Запястью лучше дать отдых.

– Запястье в порядке, – сказал он сквозь зубы.

Герой.

Глава 5

Существует такая штука, как избыточный самоконтроль. В тот день я должен был уже в сорок третий раз подать в отставку, когда Вулф, гневно сверкнув глазами, сказал:

– Не хочу его видеть.

Непростительно вести себя по-детски в присутствии клиента. Я, оставив Буша в гостинной, прошел с Эльмой в кабинет, объяснил, почему велел Паркеру вычеркнуть Буша, доложил о нашей встрече на Грэм-стрит, сказал, что на обратном пути поговорил с консьержем и тот признал, что действительно впустил Буша в квартиру Эльмы, спросил, не хочет ли он, чтобы Эльма присутствовала при их разговоре с Бушем, а он на все это заявил: «Не хочу его видеть». Ну что тут сделаешь! Он знал, что придется встретиться со всей пятеркой, и заплатил адвокату за то, чтобы его трюк вынудил их явиться, но это было делом на завтра, а сегодня он читал, а я не позвонил и не предупредил. Хотел бы я все бросить и уйти от него раз и навсегда, но рядом стояла Эльма, а потому я лишь сказал:

– Он может переночевать в моей комнате, а я лягу здесь на диване.

Вулф прищурился. Он знал, что я не шучу и не отступлюсь и что это его вина: начал скандалить при постороннем человеке. Если бы в этот момент я сел и встретился с ним

взглядом, то закончилось бы тем, что либо он меня выгнал, либо я от него ушел, потому я сказал, что отнесу вещи мисс Вассос в ее комнату, по пути к двери покачал головой, давая понять, что ей ничего не нужно делать, взял сумку и чемодан, отнес в Южную комнату, вернулся на лестничную площадку и постоял там, прислушиваясь.

С моим уходом все стало проще. Теперь все, что ему нужно было сделать, – это вынудить ее сказать, что, возможно, разговор с Бушем мог бы оказаться полезным. Так он и поступил. Мне были слышны их голоса, хотя я не разобрал ни слова. Так продолжалось минуты три, затем наступила тишина, а после снова слышались голоса, уже не только их, но и Буша. Когда я вошел и направился к своему столу, то, конечно, смотрел прямо перед собой, по пути обойдя ноги Буша, который сидел в одном из желтых кресел, придвинутом поближе к Вулфу. Говорил в этот момент Вулф:

– ...И я намерен так сделать. Я не обязан объяснять причины своего интереса. Назовите это уязвленным самолюбием. Моя обувь благодаря мистеру Вассосу была в полном порядке, он никогда не отлынивал от работы. Заменить его нелегко, и тот, кто лишил меня всего этого, пожалеет. Давайте поговорим о вас, раз уж вы здесь. Когда мистер Гудвин и мисс Вассос обнаружили вас в ее квартире, им показалось, что ваш приход вызван беспокойством о ней. Вы и в самом деле о ней беспокоитесь или им показалось?

Буш сидел выпрямившись, положив ладони на колени.

– Я тоже не обязан отчитываться перед вами, – объявил он громче, чем требовалось. – Откуда мне знать, что вы собираетесь делать?

– Ниоткуда. Но хотите узнать. Не будем устраивать дебаты. Идите. Вы еще вернетесь.

Я стиснул зубы. В конце концов, он все же выкинул этот трюк. Он выгонял Буша ловким маневром, а я вынужден был молчать. Если бы у нас поблизости был хоть какой-нибудь обрыв, то я столкнул бы его. Но трюк не сработал. Буш посмотрел на Эльму, сидевшую в красном кожаном кресле. Мне не видно было его лица, когда он повернулся к ней, но, наверное, в его взгляде был вопрос, потому что она сказала:

– Он сделает то, о чем говорит, мистер Буш. Он намерен проучить инспектора Кремера. Если он хочет, чтобы вы ему что-то сказали... и если вы хотите...

– Я хочу, чтобы вы... Вы выйдете за меня замуж?

Глаза у нее расширились.

– Что?

– Выйдете ли вы за меня замуж?

Онемев, она смотрела на него молча.

– Хороший ход, мистер Буш, – недовольно проворчал Вулф, так как его хитрость пропала зря. – Вы коротко и недвусмысленно дали нам понять, что ваша забота о мисс Вассос искренняя. Значит, вы не верите, что мистер Эшби соблазнил мисс Вассос?

– Я знаю, что это ложь.

– Мистеру Гудвину вы говорили, что не знаете, кто рассказал полиции про соблазнение.

– Я этого не говорил.

– Но вы знали, что кто-то это сказал.

– Не совсем знал. Я понял это по вопросам, которые мне задавали в полиции.

– Стало ли именно это причиной, почему вы начали так тревожиться о мисс Вассос, что явились к ней вчера домой, уговорили консьержа впустить вас в квартиру и сегодня сделали то же самое?

– Отчасти да, но я все равно пришел бы. Вчера она беспокоилась за отца, потому что накануне он не вернулся домой, а я хотел ей помочь выяснить, появлялся ли он у нас. А вечером сообщили, что он мертв, нашли его тело. Я позвонил ей домой, но она не ответила, и я сам пошел к ней, но ее не было и сегодня не было, и в полиции не знали, где она, потому я снова пришел. Я знаю, к чему вы клоните: вы хотите понять, ждал я ее там, потому что тревожился или потому что хотел убить. Кто-то наверняка этого хочет, кто-то же солгал о ней ее отцу и солгал полиции.

Вулф кивнул:

– Таким образом, вы считаете, что мистер Вассос поверил в эту ложь и убил Эшби, а потом покончил с собой.

– Нет. Допускаю, что он мог бы это сделать. Я не видел мисс Вассос, не имел возможности с ней поговорить. Это мы могли бы обсудить и вдвоем. Слушая меня, вы наверняка ду-

маете, что язык у меня хорошо подвешен, что я легко могу сформулировать свои мысли, но я больше года не могу ей сказать о своих чувствах, о том, что я вижу, какая она замечательная, что другой такой девушки нет на свете, что я никогда...

– Да. Вы объяснили все это разом, сделав ей предложение. Она наверняка поняла. Но она – вы, конечно, узнаете еще и от нее, как только у вас появится возможность, – абсолютно уверена в том, что ее отец не поверил бы в эту ложь, а значит, он не убивал Эшби, а значит, не убивал себя. Потому мне необходимо выяснить как можно точнее, где кто находился в определенное время. Судя по заключению судмедэксперта, опубликованному в газете, Питер Вассос упал с обрыва и умер в промежутке между десятью и двенадцатью часами ночи. Поскольку мисс Вассос ни за что не вышла бы за вас замуж, если бы вы убили ее отца, вас мы исключим из списка подозреваемых. Где вы находились в эти два часа?

– Дома. Я лег спать около одиннадцати.

– Вы живете один?

– Да.

– Хорошо. Алиби у вас нет. Человек, у которого есть алиби, становится подозреваемым *ipso facto*³. Теперь о мистере Эшби. Где вы находились в понедельник в десять тридцать пять утра?

– У себя. В кабинете.

³ В силу самого факта (лат.).

– Один?

– Да. Меня спрашивали об этом в полиции. Мисс Вассос зашла за письмами, но ушла примерно в четверть одиннадцатого. Без четверти одиннадцать пришел Пит и почистил обувь. В промежутке между этими двумя визитами я был один.

– Вы не выходили из кабинета?

– Нет.

– Была ли открыта дверь, так чтобы вы видели кого-то, кто прошел мимо вас?

– Дверь у меня была открыта, но мой кабинет в конце коридора. Мимо меня никто не ходит.

– Тогда помощи от вас мало. Однако вы подтвердили слова мистера Вассоса о том, что и когда он делал. Если он пришел к вам в десять сорок пять, почистил ботинки, а затем направился к мистеру Эшби, то вошел он в его кабинет примерно в десять пятьдесят две. Здесь он появился в три минуты двенадцатого. Не знаете ли вы, где он был перед тем, как прийти к вам?

– Знаю. В кабинете мистера Мерсера, наводил блеск на его туфли.

– А до того?

– Не знаю. Именно об этом и спрашивали в полиции. Они считают, что сначала он зашел к Эшби через другую дверь и убил его.

– Они так сказали?

– Нет, но это ясно было по вопросам о нем и о другой двери.

– Из вашего кабинета тоже есть выход к лифту?

– Нет. Только у Эшби.

Вулф повернул голову и посмотрел на часы. До обеда оставалось полчаса. Затем снова обратился к Бушу:

– Вот что, сэр, как я уже сказал в начале нашей беседы, я пришел к выводу, что мистер Вассос не является убийцей мистера Эшби, и теперь намерен выяснить, кто его убил. Возможно, вы все же сумеете помочь. Подумайте, кому мог помешать Эшби, кто не чувствовал бы себя в безопасности, пока тот был жив? *Cui bono*?⁴

– Не понимаю... О-о! – Буш кивнул. – Конечно! Латынь. В полиции меня об этом тоже спрашивали, хотя сформулировали несколько иначе. Я ответил, что не знаю кому, и я в самом деле не знаю. Я очень редко виделся с Эшби вне работы. Я знал его жену, когда та у нас работала. В то время она была Снайдер, Джоан Снайдер, но с тех пор, как два года назад вышла замуж, я видел ее всего раза два. Не знаю, кому мог мешать Эшби, кто, как вы сказали, не чувствовал бы себя в безопасности, пока тот был жив.

– Как насчет ваших сотрудников?

– У нас никто его не любил. Как и я. Думаю, даже мистер Мерсер. Все знают, что это Эшби спас компанию от банкротства, что именно ему мы обязаны своими успехами, но

⁴ Кому выгодно? (лат.)

он никому не нравился. Девушки мне на него жаловались. Они не любили заходить в его кабинет. Пару месяцев назад одна из-за него уволилась. Когда я хотел было поговорить об этом с мистером Мерсером, тот сказал, что у Эшби есть свои недостатки, что когда он чего-то хочет, то не колеблясь стремится это получить, и именно по этой причине доход компании за четыре года возрос в десять раз. Впрочем... Я сказал, что его никто не любил, хотя правильнее было бы сказать: никто, кроме одного человека.

Он посмотрел на Эльму, потом снова на Вулфа.

– Кроме мисс Вассос?

– Что вы, нет! – Буш был явно шокирован. – Потому что я посмотрел на нее? Нет, я случайно... Мне просто захотелось. Кроме мисс Кокс, Фрэнсис Кокс, секретарши в приемной. По штату Эшби секретарша не полагалась, мисс Кокс сама выполняла функции его секретарши: записывала встречи и так далее – делала все, кроме разве что стенографии. Повидимому, ей он нравился... Да, конечно, нравился. О них много болтали, но не могу же я руководствоваться сплетнями. Если бы управляющий делами всерьез относился ко всем сплетням, можно было бы спятить. Но один раз, год назад весной, ко мне пришла жена Эшби... Я уже говорил, что знал ее как Джоан Снайдер... Она попросила меня уволить мисс Кокс.

– Уволить мисс Кокс?

– Да. Потому что, по ее словам, та плохо влияла на ее му-

жа. Я рассмеялся, просто не смог удержаться... Надо же, на Денниса Эшби плохо влияли. Я ответил, что не могу уволить, и это в самом деле так и было. Эшби, не спросив меня, дважды повышал ей зарплату.

Вулф хмыкнул:

– Мисс Вассос назвала еще одно имя. Филип Хоран. Поскольку он занимается продажами, видимо, Эшби был его начальником?

– Да.

– Он надеялся получить должность, которая досталась Эшби?

– Да.

– Он был недоволен назначением Эшби?

– Да.

– В таком случае вряд ли он огорчен из-за его гибели?

– Да, вряд ли.

– Вы вдруг стали немногословны. Неужели я нащупал болезненное место?

– Э-э... Я и тогда считал, что Фил Хоран заслуживает повышения, и до сих пор так считаю.

– Теперь он его получит?

– Думаю, да.

– Не стану спрашивать, мог ли он ради должности убить Эшби. Вы явно ему симпатизируете и, конечно, сказали бы «нет». – Вулф поднял глаза на часы. – Вы когда-нибудь сажались за стол с мисс Вассос, обедали с ней?

– Не понимаю, при чем тут...

– Ни при чем. Я просто любопытствую. Так обедали или нет?

– Нет. Я дважды ее приглашал, но она отказалась.

– В таком случае вы поступили безрассудно, сделав ей предложение. Узнать женщину можно, только когда увидишь ее за едой. Приглашаю вас пообедать с нами. У нас сегодня щавелевый суп на курином бульоне, с желтками и хересом, жареные перепела под соусом из белого вина, крепкого телячьего бульона и белого винограда. Нас вы не разорите, у нас всего хватит.

Ответ я уже не слушал, занятый своими мыслями. Правило – не разговаривать о делах во время еды – всегда соблюдалось строго, но мне теперь предстояло поработать все время от супа и перепелок до сыра и кофе, чтобы заодно усвоить и Буша. Когда он уйдет, меня, как главного эксперта по романтическим отношениям, спросят, на самом деле его заботит жизнь мисс Вассос или это все ложь, да или нет. Если я не смогу ответить, то мы напрасно потратим какое-то количество отличной стряпни.

Мы и потратили его напрасно.

Глава 6

Первый пух полетел в четверг, в самом начале третьего, во время ланча. Мы с Вулфом и Эльма сидели за столом, когда позвонил Паркер и сообщил, что только что побеседовал с адвокатом Джона Мерсера, Филипа Хорана и Фрэнсис Кокс. Адвокат позвонил ему утром и сказал, что будет представлять их интересы. Паркер, в свою очередь, сообщил, что представляет интересы Эльмы Вассос, которая наняла его по совету Ниро Вулфа, взявшегося расследовать гибель ее отца, и что он, Паркер, готовит от ее имени иски, так как у нее есть для этого все основания, но на данном этапе не намерен обсуждать подробности с адвокатом противной стороны; что после тщательного изучения вопроса он считает, что вряд ли они смогут прийти к соглашению, скорее всего, без судебного разбирательства не обойтись; а также и то, что он, разумеется, сообщит об этом звонке своей клиентке, которая временно проживает в доме Ниро Вулфа. Вернувшись в столовую, я передал слова Паркера Вулфу, который не стал бы прерывать ланч ради того, чтобы поговорить по телефону, и тот буркнул:

– Приемлемо.

Следующий залп пуха с перьями прилетел через два часа, когда позвонила вдова. Вулф уже поднялся в оранжерею, и Эльма ушла вместе с ним посмотреть на орхидеи. Не то

чтобы он подобрел, но ему начинало казаться, что мы слишком много времени проводим наедине.

Зазвонил телефон, я снял трубку:

– Кабинет Ниро Вулфа, говорит Арчи Гудвин.

– Мне нужно поговорить с Эльмой Вассос, – произнес раздраженный женский голос.

– Пожалуйста, представьтесь.

– Ах да, конечно. Она у вас?

– Не рядом со мной, но могу ее позвать. Не могли бы вы назвать свое имя?

– Разумеется, могу. Джоан Эшби. Не нужно ее звать. Если вы Арчи Гудвин, могу поговорить с вами. Мне только что звонил ее адвокат, Паркер и сказал, что она живет у Ниро Вулфа. Я ему сказала, что если она хочет потребовать от меня миллион долларов, то ради бога, вперед, я и ей это могу повторить. Он сказал, что предпочел бы беседовать с моим адвокатом, а я сказала, что оно конечно, только у меня его нет. Адвокатам надо платить. Передайте Эльме Вассос, что, если она получит от кого-то эти свои миллионы, я буду очень признательна, если она оплатит часть долгов моего мужа, и мне тогда, возможно, хватит денег на еду. Хотела бы я на нее посмотреть – на эту девицу, из-за которой его убили.

– Почему бы и нет, миссис Эшби? Конечно приезжайте, посмотрите. Ехать недалеко, если вы звоните из дома. Адрес...

– Я знаю ваш адрес, но никуда не поеду. Когда я сегодня

утром вышла, возле дома меня ждала такая толпа репортеров и фотографов – можно подумать, я Лиз Тейлор. Мне хотелось бы с ней встретиться, но не настолько, чтобы снова оказаться нос к носу с этой бандой. Просто передайте ей, что даже если она вытянет из меня вообще все, ей не хватит на жетон для метро. Если она предупредит...

– Ей тоже хочется с вами встретиться.

– Ну да, как же!

– В самом деле. Она сама так вчера сказала. Я могу привезти ее к вам. Можем приехать минут через двадцать. Вы потеряли мужа, а она отца. Поговорить вам обоим полезно.

– Ну конечно. Обоьемся слезами. Вперед, но с вас носовые платки. У меня только бумажные полотенца. – И она бросила трубку.

Я позвонил по внутреннему телефону в оранжерею, дождался Вулфа и доложил.

– Скорее всего, о долгах она врет и вообще блефует, – буркнул он. – Мисс Вассос сейчас спустится. Не вздумай привезти ко мне эту ведьму.

– Вы же хотели их всех увидеть.

– Только не ее. Разве что в случае крайней необходимости. Пф! Решай сам. Я полагаюсь на твою смекалку и опыт.

Когда Эльма спустилась вниз – по лестнице, а не в лифте, – я уже ждал ее в пальто. Когда я сказал, что, судя по тому, что услышал по телефону, разговаривать с миссис Эшби будет непросто, Эльма сказала, что если я потерплю, то и она

потерпит, а когда мы, уже сидя в такси, которое поймали на Девятой авеню, ползли через центр Манхэттена, я передал ей наш разговор дословно.

– Звучит ужасно, – произнесла она, – но если он оставил долги... Для нас, конечно, это не имеет значения, мы ведь и не собирались что-нибудь получить...

Нужный нам дом на Восточной Тридцать седьмой улице, номер которого я узнал из газет, стоял между Парк-авеню и Лексингтон-авеню. Если журналисты где-то рядом и дежурили, их не было видно. Впрочем, день подходил к концу, было почти пять. В подъезде я нажал на кнопку с табличкой «Эшби», услышал голос, спросивший, кто звонит, сказал в переговорное устройство, кто мы, подождал, когда раздастся щелчок, толкнул дверь, и мы вошли. Вестибюль был небольшой, с модной алюминиевой отделкой и с лифтом без лифтера. Я нажал на кнопку с цифрой «3», мы поднялись и вышли на третьем этаже, где в проеме открытой двери, прислонившись к косяку, нас ждала вдова.

– Двойные поминки, – произнесла она. – Только что пришло в голову. – Она разглядывала нас, пока мы шли от лифта. – И еще кое-что пришло. Моему мужу нравились рекламы вроде «Поезжай сейчас – заплатишь потом», «Съешь сейчас – заплатишь потом». Мне пришла в голову еще такая: «Убей сейчас – заплатишь потом». Мне нравится. Надеюсь, вам тоже.

При этом она не двинулась с места.

Когда мы говорили по телефону, я понял, что она под хмельком, и, похоже, пока мы ехали, она добавила. Вероятно, в нормальном состоянии она была хороша, с большими темными глазами, теплыми полными губами, но не в этот момент. Эльма уже подняла было руку для пожатия, но передумала. Я произнес отчетливо:

– Миссис Эшби, мисс Вассос. Меня зовут Арчи Гудвин. Можно ли нам войти?

– Неожиданно, – сказала она Эльме. – Надо же, какая ты маленькая. Не тощая, но маленькая. Ему нравились крупные девушки вроде меня, но, значит, бывали исключения. Тебе хватает наглости требовать от меня миллион долларов. Это я должна была бы подать на тебя в суд и потребовать вернуть все, что он на тебя потратил. Он ведь и тебе подарил золотой цветок с жемчужинкой в центре? Что-то ты его не приколола. В тот день, когда его убили, один такой лежал у него на столе в коробочке. Убей сейчас – заплатишь потом. Мне нравится. Надеюсь, тебе тоже. – Рука у нее дрогнула. – Спасибо, что пришли, большое спасибо. Я хотела просто на тебя посмотреть. Господи, какая маленькая!

Я улыбнулся ей дружески широкой, открытой улыбкой:

– Насчет золотого цветка с жемчужиной, миссис Эшби. Того, что вы видели в понедельник. Вы ведь не ожидали, что мисс Вассос явится с ним?

– Разумеется, нет. Один – у них, у полиции. Я сообщила, что видела его, и они сказали, что он у них. – С усилием,

она перевела взгляд на Эльму. — Конечно, и у тебя тоже есть. Он им всем это дарил. Восемьдесят баксов такой, что в коробочке, иногда дороже.

Эльма приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, но я ее опередил:

— Полагаю, миссис Эшби, когда вы пришли в понедельник, ваш муж был у себя в кабинете? Сколько было времени?

— Десять часов. — Она улыбнулась мне. — Вы детектив. — Она помахала мне пальцем. — Ответ: либо «да», либо «нет».

— Но я ведь не из полиции.

— Я знаю. Знаю. Ниро Вулф. Послушай, пусть я под кайфом, но знаю. Знаю, что я сказала и что подписала. Я пришла в то утро в десять часов, постучала в дверь. Он впустил меня и дал мне сорок долларов. И я на эти сорок долларов купила туфли, потому что счета в магазинах у нас заблокированы.

Она оттолкнулась от косяка, слегка пошатнулась, потянулась, взялась за край двери, отступила в квартиру и захлопнула дверь.

Я мог бы подставить ногу, чтобы не дать ей ее закрыть, но не стал утруждаться. Чтобы от нее чего-то добиться, когда она в таком состоянии, требовалось больше чем просто смекалка и опыт, к тому же она выдала информацию, на какую я даже не рассчитывал: в понедельник утром она пришла к Эшби и копы об этом знали. Конечно, они ее проверили, и если продавец, продавший туфли, подтвердил ее слова, то она была вне подозрений. Скорее всего. Я пошел вслед за

Эльмой к лифту.

В такси Эльма молчала до Пятой авеню, где машина остановилась на красный свет, а там, повернув ко мне голову, не сдержалась:

– Как это гадко!

– Ага, – кивнул я. – Я предупреждал, что разговаривать с ней будет трудно, но я должен был с ней повидаться. Убей сейчас – заплатишь потом. Это ладно. Вопрос в том, кто заплатит?

– Это она его убила?

– Тут я пас. По ее словам, он оставил ей только долг.

– Это так ужасно. Я не хочу подавать на нее в суд. Разве нельзя его забрать... Я имею в виду иск только к ней?

Я похлопал ее по плечу:

– Не надо нервничать. Ущерб вашей репутации нанесен был, и тот, кто это сделал, получит по заслугам. Вы попросили кое о чем мистера Вулфа, и он вам это добудет, так что расслабьтесь. Сейчас я окончательно поверил в то, что вы с Эшби не заходили слишком далеко. Собираясь к миссис Эшби, вы криво покрасили губы. Не то чтобы я сомневался в ваших словах, но теперь вопрос закрыт.

Она открыла сумочку и достала зеркальце.

Выйдя из такси перед старым особняком из бурого песчаника, я расплатился с водителем, вместе с Эльмой поднялся на крыльцо, отпер замок и с удивлением обнаружил, что дверь на цепочке, хотя времени было без двадцати пя-

ти шесть, а значит, Вулф еще не спускался из оранжереи. Я поднял руку, чтобы позвонить в звонок, и тут дверь открылась, и я увидел Фрица, который, должно быть, ждал меня в прихожей. Фриц приложил палец к губам, так что я понизил голос и спросил, когда мы вошли:

– Гости?

Пока я раздевался, он помог снять Эльме пальто и повесил на вешалку, потом повернулся ко мне:

– Трое. В кабинете. Двое мужчин и одна женщина. Мистер Мерсер, мистер Хоран и мисс Кокс. Дверь закрыта. Мне не нравится и – ты же знаешь, Арчи, – никогда не нравилось сторожить гостей.

– Ясное дело. Но если у них бомба, то, пока они сидят здесь, она не рванет. – Это я произнес громко, не понижая голоса, потому что и стены, и дверь кабинета у нас звуконепроницаемые. – Когда они пришли?

– Минут десять назад. Мистер Вулф велел передать им, чтобы пришли через час, но они настаивали, и он разрешил их впустить, проводить в кабинет и ждать тебя в прихожей. Я ему говорю, что делаю мясной глас, а он говорит, что среди них убийца. Я, конечно, всегда хочу помочь – ты же знаешь, Арчи, – но как можно сделать хороший глас, если я должен сторожить убийцу?

– Никак, конечно. Хотя он мог и ошибиться. Вполне возможно, что это мы с мисс Вассос сейчас беседовали с убийцей, к тому же пьяной. – Я повернулся к Эльме. – Этот раз-

говор может оказаться еще ужаснее, так что лучше вам подняться к себе. Если вы понадобится, мы позовем.

– Спасибо, мистер Гудвин, – сказала она и направилась к лестнице.

Фриц пошел в кухню, я – за ним. Он подошел к большому столу, уставленному мисками со всем необходимым для мясного соуса, а я достал из холодильника молоко, налил себе стакан, сел за столик возле стены, на котором стоял внутренний телефон, и позвонил в оранжерею.

– Да?

– Это я. Мисс Вассос поднялась к себе, а я в кухне. Докладываю про миссис Эшби. – Я доложил о нашей встрече. – Хорошо, что вы не дали мне задание ее доставить, иначе пришлось бы на крыльцо вносить на руках. Заметьте, это не я вытянул из нее про то, что она приходила в понедельник, она сама выложила. Выводы оставляю для вас. Какие-нибудь инструкции насчет гостей в кабинете?

– Нет.

– Хотите, чтобы я поднялся?

– Нет. Меня и так то и дело прерывают. – Он повесил трубку.

Гений, да и только! Если у него и был на уме хоть какой-то план действий для этой совместной рыбалки, в чем я сомневался, то я мог угадывать, какая роль отведена мне, по ходу дела. Я допил молоко, не спеша прогулялся к нише в коридоре, там сдвинул в сторону панель, прикрывавшую глазок.

В коридоре глазок выглядит просто как прямоугольный щиток, а в кабинете его закрывает картина с изображением водопада.

Джон Мерсер, президент компании «Шпильки Мерсера, инк.», сидел, откинувшись на спинку красного кожаного кресла, и похлопывал по подлокотникам ладонями. Его седые поредевшие волосы еще все были на месте, и он больше походил на отставного адмирала, чем на торговца шпильками. Для двух других гостей Фриц подставил поближе к столу Вулфа желтые кресла. Они тихо беседовали между собой, как беседуют в приемной у врача, говорили что-то о звонке какого-то клиента, который то ли позвонил, то ли должен был позвонить, но не звонил. Филип Хоран был широкоплечим, длинноруким, с тощим вытянутым лицом и быстрыми карими глазами. Фрэнсис Кокс оказалась девушкой крупной, даже толстушкой, но неплохо сложенной. Ее гладкое умное лицо было спокойным, будто все у нее хорошо, хотя наверняка в последние три дня ей пришлось нелегко. Я наблюдал за ними в глазок до тех пор, пока не послышалось дребезжание лифта. Тогда я подошел к двери кабинета, открыл ее и пропустил вперед Вулфа. Пройдя к своему столу, он встал и оглядел всех. Остановил взгляд на Мерсере и спросил:

– Вы Джон Мерсер?

– Да, я. – Голос у него сел, и Мерсер откашлялся. – Мисс Фрэнсис Кокс. Мистер Филип Хоран. Мы хотели бы...

– Прошу прощения, – прервал его Вулф.

Я направился к своему месту, и Вулф бросил на меня быстрый взгляд.

– Мистер Гудвин, – представил меня он, но не сел, а остался стоять. – Я сомневаюсь в уместности этого шага, мистер Мерсер. Мисс Вассос подала иски против вас, и общаться должны ее адвокат и ваш. Я же не адвокат, а детектив.

Мерсер выпрямился в кресле:

– Ваш адвокат сказал моему, что это вы посоветовали мисс Вассос подать иски.

– Да, я.

– И что сейчас она живет здесь, в вашем доме.

– Да. Но к вам она не выйдет.

– Не кажется ли это вам немного бесцеремонным?

– Нет. Это обычная осторожность. Чтобы защитить себя, она обратилась к закону. Теперь пусть говорят адвокаты.

– Но ее адвокат не желает разговаривать! Он заявил, что не будет ничего обсуждать до тех пор, пока вы не продвинетесь в расследовании!

Плечи Вулфа поднялись на одну восьмую дюйма и снова опустились.

– Прекрасно. В таком случае зачем вы здесь? Это ваш адвокат посоветовал приехать ко мне?

– Нет. Мы пришли сами, чтобы объяснить вам, что тут нечего расследовать. Вы уже видели дневной выпуск «Газетт»?

– Нет.

– На первой полосе. С фотографиями – нашей, инспектора Кремера и вашей. Подобные сенсации ужасны для уважаемой компании, и это возмутительно! Все, что мы сделали, – это ответили на вопросы полиции, касающиеся убийства, но это наш долг. Что тут еще расследовать?

– Убийство. Два убийства. Для того чтобы обосновать иски о клевете в адрес мисс Вассос, я должен выяснить, кто убил мистера Эшби и мистера Вассоса. Адвокат мисс Вассос считает благоразумным и правильным отказаться от обсуждения связанных с этим вопросов с вашим адвокатом, пока я не закончу.

– Но это же нелепо! Кто убил Эшби и Вассоса? *Вы* это выясните? Полиция *уже* это выяснила! Мой адвокат думает, что вы попросту собрались нас шантажировать, и я думаю, он прав!

– Он ошибается, – покачал головой Вулф, – адвокаты часто ошибаются. Он не знает того, что знаю я: полиция *не смогла* установить, кто убийца. Дело в том, что мисс Вассос оклеветал именно тот, кто убил Эшби и Вассоса. Я почти абсолютно в этом уверен и хочу вывести его на чистую воду. Те действия, которые я предпринял, – всего лишь один шаг в этом направлении, и, как мы видим, успешный, поскольку вы здесь – вы, мисс Кокс и мистер Хоран, – и я считаю весьма вероятным, что преступник – один из вас.

Мерсер вытаращил глаза:

– Один из нас?

– Да, сэр. Такова моя нынешняя версия, которая строится на выводах, основанных на фактах. Можете либо отнестись к ней свысока, и тогда уходите, либо остаться и обсудить ее. Как угодно.

– Вы ведь не всерьез это говорите. Не всерьез!

– Разумеется, всерьез. Именно это меня и интересует. Единственный способ остановить меня – это аргументированно показать, что я ошибаюсь.

– Конечно вы ошибаетесь!

– Аргументированно.

Мерсер посмотрел на Филипа Хорана и Фрэнсис Кокс. Те посмотрели на него и переглянулись.

– Это шантаж, – громко произнесла мисс Кокс.

– Нужно было прийти с адвокатом, – заявил Хоран.

– Он бы не пошел, – сказала мисс Кокс.

Мерсер посмотрел на Вулфа:

– Что для вас аргумент?

– Хороший вопрос, – кивнул Вулф, сел в свое кресло, придвинулся и наклонил голову. – Вполне возможно, аргументы у вас есть, и тогда мы решим дело быстро. Есть лишь один способ это выяснить. Мистер Хоран, чистил ли мистер Вассос когда-нибудь обувь?

В дверь позвонили. Я встал и, обогнув желтые кресла, вышел в прихожую, включил свет на крыльце. Там перед дверью, едва ли не касаясь стекла своим носом, стоял инспектор Кремер. И пришел он, судя по выражению его широкого

красного лица, явно не ради миллиона долларов.

Глава 7

Иногда, когда у нас посетители, я, чтобы не называть настоящее имя нового посетителя, который мог оказаться нежелательным, говорил вымышленное, а для инспектора Кремера у нас было любое имя с двумя «д». Я вошел в кабинет и сказал:

– Мистер Джадд.

– А? – Вулф склонил голову набок. – Надо же. – Он поднял брови и повернулся к компании. – Вот уж в самом деле. Пришел инспектор полиции мистер Кремер. Позволить ли ему к нам присоединиться? Как по-вашему?

Они смотрели на Вулфа молча. Никто не сказал ни слова.

– Думаю, не нужно, если только он не нужен кому-нибудь из вас. – Вулф отодвинул кресло и встал. – Прошу меня извинить.

Вулф направился к двери. Я сделал шаг в сторону, пропуская его, и пошел за ним следом. Он отодвинул задвижку, приоткрыл дверь на два дюйма, насколько позволяет цепочка, и сказал в эту щель:

– Мистер Кремер, я занят и не знаю, когда освобожусь. У меня посетители: мисс Фрэнсис Кокс, мистер Джон Мерсер и мистер Филип Хоран. Я пришел сказать вам об этом сам, а не передал через мистера Гудвина, так как мне показалось...

– Откройте дверь!

– Нет. Я не стал бы возражать против вашего присутствия при нашей беседе, но вы...

– Мне нужна Эльма Вассос. Откройте дверь!

– Дело в том...

Сзади послышался какой-то звук, и мы – Вулф и я – оглянулись. Дверь в кабинет приоткрылась, и из щели высунулась голова Филипа Хорана. Вулф снова повернулся к Кремеру:

– Дело в том, что вы не можете встретиться с мисс Вассос. Как я неоднократно говорил, на практике права частного лица в присутствии представителя закона теряют силу. У меня есть право не впустить вас в свой дом, но стоит впустить, как я тут же стану беспомощным. Вы можете заглянуть в любое помещение. Можете говорить с кем угодно. Я не посмею к вам прикоснуться. Если я попрошу вас уйти, вы имеете право проигнорировать мои слова. Если вызову полицию, чтобы они вас выставили, надо мной посмеются. Так что я не впущу вас, разве что у вас есть ордер.

– Вы прекрасно знаете, что ордера нет. Эльма Вассос по вашему наущению подала на меня в суд, и я намерен обсудить это с ней.

– Обсудите с ее адвокатом.

– Ну да. С Натом Паркером. Вы заказываете музыку, он исполняет. Вы откроете дверь или нет?

– Нет.

– Клянусь Богом, я получу этот ордер!

– На каком основании? Советую выбирать слова. Затребовать ордер на обыск с целью поиска улик вы не можете. Каких улик, по какому делу? Обвинить меня в воспрепятствовании следствию тоже не можете. Если попробуете, я сразу спрошу: следствие по какому делу? Ведь не по делу же об убийстве Денниса Эшби. Судя по статье в «Газетт» и по тому, что вы вчера сказали мистеру Гудвину, дело Эшби, насколько я понимаю, закрыто. Что касается ордера на обыск с целью поиска мисс Вассос – это нелепость. Вы как представитель закона не имеете права ни видаться с ней, ни прикасаться к ней. Обратившись в суд с гражданским иском, она ничего не нарушила. Я советую...

– Она важный свидетель.

– Надо же. По какому делу? «Народ штата Нью-Йорк против Питера Вассоса, обвиняемого в убийстве Денниса Эшби»? Пф! Питер Вассос мертв. Или вы уже отказались от этой версии? Неужели вы теперь думаете, что убийца Эшби жив? Если да, то кто подозреваемый и каким образом мисс Вассос может свидетельствовать против него или них? Нет, мистер Кремер, не выйдет. Я занят, мне холодно стоять под дверью – закрываю.

– Минутку! Вы прекрасно знаете, что она не получит с меня возмещения ущерба.

– Может быть. Но у нее есть хороший шанс заставить вас ответить под присягой, кто вам сказал, что у нее были неподобающие отношения с Деннисом Эшби. Мистер Гудвин за-

дал вам вчера этот вопрос, а вы посмеялись. Безобразие. Не хотите ли сейчас мне сказать, не для передачи?

– Нет. Знаете же, не хочу. Вы что, пытаетесь сказать, что между ними ничего не было? Что Вассос не убивал Эшби?

– Разумеется. Потому я и беседую с этими людьми. Именно это мы с ними и обсудим. Наши действия привели...

– Черт побери, Вулф, откройте дверь!

– Закрываю. Если вы передумаете и решите ответить на мой вопрос, то номер телефона вам известен.

У Кремера есть свои достоинства. Понимая, что глупо пытаться удержать дверь ногами, поскольку мы вдвоем с Вулфом весим четыреста пятьдесят фунтов, он не стал этого делать. Зная, что если он останется на крыльце, будет грозить нам кулаком и корчить рожи, то мы увидим его через одностороннюю стеклянную панель, он и этого не сделал. Он просто ушел. Мы с Вулфом развернулись и чуть не столкнулись. Хоран теперь не выглядывал из кабинета, а вышел в прихожую и стоял перед дверью, затем, посмотрев на нас, развернулся и вошел в кабинет, а когда появились мы, он говорил:

– Приходил инспектор Кремер. Вулф перед ним захлопнул дверь. Инспектор ушел.

– Как можно захлопнуть дверь перед инспектором полиции? – громко сказала Фрэнсис Кокс.

– Вулф захлопнул.

Хоран сел в желтое кресло. Мы с Вулфом направились к своему. Вулф уперся взглядом в Хорана:

– Продолжим. Чистил ли Питер Вассос когда-нибудь вам обувь?

Взгляд забегавших глазок Хорана метнулся к Мерсеру, но президент, нахмурившись, глядел на угол стола Вулфа и этого не заметил. Хоран снова посмотрел на Вулфа:

– Нет, не чистил. По-моему, вы намекаете на то, что это я сказал Вассосу про его дочь и Эшби? Не я. Я с Вассосом не встречался. Насколько мне известно, он приходил примерно в десять тридцать, а меня в это время там не бывает. По утрам я объезжаю клиентов. В понедельник я пришел как раз утром, поговорил с Эшби несколько минут, но ушел еще до десяти.

Вулф хмыкнул:

– Тот факт, что вы встретились с Эшби утром в понедельник, установлен и мне неинтересен. Войти к Эшби незамеченным мог кто угодно, включая вас. Мне не нужно...

– Тогда почему вы прицепились к нам, если войти мог *кто угодно*?

– У меня две причины. Менее важная – нападки на мисс Вассос, и более важная, которую я сейчас оставлю при себе. Я не ищу того, кто рассказал Вассосу про его дочь и Эшби. Не думаю, что кто-то с ним об этом говорил. Я ищу того, кто рассказал полиции. Это не вы?

– Я отвечал на их вопросы. Я обязан был отвечать.

– Вам лучше знать, если вы не совсем глупы. Ничего вы были не обязаны. Даже о себе и своих передвижениях в тот

день вы могли рассказывать только то, что считали нужным. И уж конечно, никто не принуждал вас выбалтывать чужие секреты. Проболтались?

– Я ни о ком не болтаю. Все, что я сообщил в полиции, есть в протоколе. Спросите у них.

– Спросил. Вы только что сами слышали, как я задал этот вопрос мистеру Кремеру. Это ведь вы просили свою сотрудницу выяснить, что за отношения между мистером Эшби и мисс Вассос. Что она вам рассказала?

– Спросите у нее.

– Я спрашиваю у вас.

– У нее спросите.

– Надеюсь, не придется. – Вулф переместил взгляд вправо. – Мисс Кокс, какие у вас были отношения с мистером Вассосом?

– У меня не было с ним никаких отношений. – Голова приподнята, подбородок выдвинут вперед. Подбородок казался красивее, пока был на месте. – Он был просто чистильщиком обуви.

– Но, кроме того, он был отцом одной из ваших коллег. Вы, конечно, об этом знали.

– Конечно знала.

– Он вам нравился? Вы ему нравились?

– Я его не спрашивала. А мне он не «нравился» и не «не нравился». Приходил чистить обувь, и все.

– Обменяться парой приятных фраз можно и с чистиль-

щиком, не такое это неслыханное событие. Часто ли вы с ним разговаривали?

– Почти никогда.

– Опишите, как вы обычно с ним встречались: он входил в приемную... А дальше?

– Он спрашивал позволения войти, входил. Сначала шел всегда в кабинет мистера Мерсера. Если у мистера Мерсера был посетитель, то зависело от того, кто именно. Иногда мистер Мерсер просил, чтобы их не прерывали, тогда Пит шел к мистеру Бушу. Кабинет мистера Буша расположен рядом с кабинетом мистера Мерсера.

– Друг напротив друга?

– Нет. Дверь мистера Мерсера с левой стороны, ближе к приемной. Дверь мистера Буша справа, почти в конце коридора.

– После мистера Мерсера и мистера Буша куда шел мистер Вассос, к мистеру Эшби?

– Да. Он всегда шел к нему через приемную и спрашивал у меня, можно ли туда. Если у мистера Эшби был важный клиент, он просил, чтобы Пит подождал.

– Обслуживал ли мистер Вассос еще кого-нибудь?

– Нет.

– Никогда?

– Никогда.

– Утром в понедельник все было так же?

– Да, насколько я знаю. Когда пришел Пит, у мистера Мер-

сера никого не было, и он направился к нему. Через некоторое время Пит появился, выглянул из-за угла коридора, я ему кивнула, и он пошел в кабинет мистера Эшби.

– Сколько времени прошло?

– Не обратила внимания. Примерно минут пятнадцать.

– Вы видели, как он входил к мистеру Эшби?

– Нет, у него кабинет в другом конце коридора. Одним словом, я не видела, как он входил, потому что сидела за столом, а мой стол стоит в углу.

– Во сколько он появился и вы дали ему понять, что можно идти к мистеру Эшби?

– Без десяти одиннадцать, хотя, может быть, без восьми или девяти. В полиции меня просили назвать точное время, но я помню примерно.

– Что именно вы знали об отношениях между мистером Эшби и мисс Вассос?

Вопрос выбил ее из колеи, но лишь секунды на две, и она не отвела глаз, а продолжала смотреть на Вулфа.

Она немного повысила голос:

– Вы считаете себя умным, да?

– Нет. Я либо очень умный, либо не очень умный. Что вы сказали в полиции об отношениях мистера Эшби и мисс Вассос?

– Отвечу так же, как мистер Хоран. Спросите у них.

– Что вы им сказали о ваших отношениях с мистером Эшби? Сказали, что были близки? Настолько, что миссис Эшби

однажды попросила вас уволить, потому что вы плохо влияли на ее мужа?

Мисс Кокс заулыбалась, отчего уголок рта у нее приподнялся.

– Наверное, это сказал Энди Буш, – ответила она. – Вам все равно, кого слушать, ведь так, мистер Вулф? Кажется, вы не очень умный.

– Но я последователен. Полиция оставила вас в покое, потому что они решили, будто дело закрыто. Я так не думаю и от вас не отстану. Если понадобится, буду беспокоить, пока у вас не лопнет терпение. Вы облегчите жизнь и себе, и мне, если расскажете, какие у вас были отношения с мистером Эшби. Не хотите ли?

– Тут не о чем рассказывать.

– Значит, подождем. – Вулф перевел взгляд с нее на Джона Мерсера в красном кожаном кресле. – Теперь вы, сэр. Аплодирую вашему терпению. Вам наверняка уже дюжину раз хотелось меня прервать, но вы не стали. Как я и сказал, единственный способ остановить мое расследование – это убедить меня в том, что я ошибаюсь, а ни мистер Хоран, ни мисс Кокс несколько не поколебали меня в моей уверенности. Ваш черед. Вас я предпочел бы не спрашивать, а послушать. Мои вопросы вам уже известны. Начинайте.

Когда Мерсер наконец закончил изучать угол письменного стола, то обратил взгляд отнюдь не на Вулфа, а на своих спутников. Пока Вулф задавал свои вопросы Хорану, он не

отрывал глаз от Хорана, а затем от мисс Кокс. Поскольку я видел их лишь в профиль, пусть я и был тут не самым умным, но тем не менее понял, что Мерсера в этот момент беспокоил не Вулф, а они. А судя по выражению его лица, когда он все же посмотрел на Вулфа, он в чем-то сомневался.

– Начну с того, что сожалею о том, что объявил о своем согласии с моим адвокатом, который считает ваши действия шантажом. Беру свои слова обратно. Мне кажется, мисс Вассос убедила вас в том, что ее оболгали, вы искренне считаете ее оклеветанной и действуете, исходя из своего убеждения.

– Мм... – произнес Вулф.

Губы Мерсера скривились. Он по-прежнему сомневался. Перестал кривиться.

– Разумеется, если вы намеренно делаете такой вид, то не примете никаких аргументов. Но если нет, то вы должны знать правду. Я собираюсь пренебречь советом моего адвоката и рассказать вам, что произошло. На мой взгляд...

Они перебили его одновременно.

– Нет! – крикнул Хоран.

– Не надо, мистер Мерсер! – воскликнула мисс Кокс.

Он не обратил на них внимания.

– На мой взгляд, это лучшее средство остановить скандал. Полиции рассказал я о... об отношениях мисс Вассос и мистера Эшби, а также и мистер Хоран, и мисс Кокс. Мы все трое. Это не клевета. Вы, вероятно, правы: закон не обязывал нас сообщать об этом, но речь шла об убийстве, и мы,

каждый, сочли своим долгом ответить на заданные вопросы. Мой адвокат считает, что, если вы не откажетесь от иска и передадите дело в суд, там оно будет прекращено.

Вулф положил ладони на стол:

– Давайте кое-что проясним. В полиции вы сказали, что мистер Эшби соблазнил мисс Вассос?

– Да.

– Откуда вам это известно? Полагаю, вряд ли вы при этом присутствовали.

– Нет. Я спросил у него. Мне жаловались на его поведение в отношении некоторых наших сотрудниц, и отдельно упоминалась мисс Вассос.

– Кто именно упоминал?

– Мистер Хоран и мисс Кокс.

– Кто сообщил им?

– Мисс Кокс об этом сказал сам Эшби. Хоран мне не докладывал, откуда он знает.

– Вы с этим пошли к Эшби и он признался?

– Да.

– Когда?

– Неделю назад. В среду. Вчера была ровно неделя.

Вулф закрыл глаза, глубоко вдохнул: втянул воздух носом, выдохнул ртом. Он узнал даже больше, чем мог рассчитывать. Неудивительно, что копы и окружной прокурор на это купились. Еще раз вдохнул, задержал на секунду дыхание, выдохнул и открыл глаза.

– Вы готовы это подтвердить, мисс Кокс? Эшби сам сказал вам, что соблазнил мисс Вассос?

– Да.

– Вам кто сказал, мистер Хоран?

– Не выйдет, – покачал головой Хоран. – Я не сказал этого в полиции и вам не скажу. Я не намерен еще кого-то в это втягивать.

– В таком случае вы не посчитали нужным отвечать в полиции на *все* вопросы.

– Именно.

Вулф взглянул на Мерсера:

– Мне необходимо побеседовать с мисс Вассос и ее адвокатом. Нам придется решить, отозвать иск или нет, либо возбудить против вас троих уголовное дело о преступном сговоре с целью опорочить ее... какая там юридическая формулировка. Сейчас не знаю, что ей посоветовать. – Он отодринулся в кресле от стола и встал. – Вас поставят в известность. Скорее всего, наш адвокат свяжется с вашим... Между тем...

– Я сказал правду!

– Не исключаю такой возможности... Между тем я не очень хорошо представляю себе расположение ваших кабинетов, а это необходимо. Я хотел бы, чтобы их осмотрел мистер Гудвин. Но нам с ним нужно сначала обсудить ситуацию, а вот-вот обед. Он выйдет из дому примерно в девять. Думаю, в это время у вас все заперто, так что, пожалуйста,

сделайте так, чтобы кто-нибудь был там и его пропустил.

– Почему? Зачем? Вы ведь сами сказали: в кабинет Эшби кто угодно мог войти через вторую дверь.

– Это нужно, чтобы снять кое-какие вопросы. Я должен видеть ясную картину: кто куда входил, в особенности мистер Вассос. Так, значит, в девять часов?

Мерсеру это не понравилось, но ему в тот момент ничего не понравилось бы, кроме заверений, что скандал утих или скоро утихнет. Не только ему не понравилось, но и всем троим, хотя пришлось смириться. Мы условились, что в девять кто-нибудь из них встретит меня в вестибюле здания на Восьмой авеню. Они ушли вместе – мисс Кокс, с поднятой головой, Мерсер, с опущенной, и Хоран, с еще больше вытянутым лицом. Когда я, проводив их, вернулся в кабинет, Вулф по-прежнему стоял, сердито глядя на красное кожаное кресло, будто там все еще сидел Мерсер.

Я сказал с чувством:

– Чепуха! Мерсер и мисс Кокс ссылаются на покойника, а Хоран на неизвестно кого. Все лгут. Я зову Эльму. Если она отвергнет предложение Буша, я, наверное, сам на ней женюсь, но сначала проверю, как она танцует.

Вулф хмыкнул:

– Невинность отнюдь не залог блаженства. Проклятье! Она, разумеется, невиновна, черт бы ее побрал! Если бы она дала себя соблазнить, как они говорят, а в итоге ее отец убил соблазнителя, а затем себя, она не посмела бы сюда явиться,

разве что она сумасшедшая. Такая возможность тоже есть. Она ненормальная?

– Нет. Она чудесная, милая, чистая, яркая девушка. У нее удивительное лицо и хорошие ножки.

– Где она?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.